

Cogito, ergo sum

История Византии

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЖАН-КЛОД ШЕЙНЭ

Профессор университета Париж IV – Сорбонна

АСТ•Астрель
Москва
2006

УДК 94(100)"04/14"
ББК 63.3(0)4
ШЗ9

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 18.10.05.
Формат 76×100¹/₃₂. Гарнитура «Петербург».
Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 7,00. Тираж 3000 экз. Заказ 3236.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 – литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

Шейнэ, Ж.-К.
ШЗ9 История Византии / Жан-Клод Шейнэ; пер. с фр.
В.Б. Зусевой. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — 158, [2] с.:
ил. — (Cogito, ergo sum: «Университетская библио-
тека»).

ISBN 5-17-034759-6 («ООО Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-13095-9 («ООО Издательство Астрель»)
ISBN 2 13 054585 8 (франц.)

Книга посвящена истории Византии

УДК 94(100)"04/14"
ББК 63.3(0)4

Настоящее издание представляет собой перевод оригинального
французского издания
«HISTOIRE DE BYZANCE».

ISBN 5-17-034759-6
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-13095-9
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 2 13 054585 8 (франц.)

© ООО «Издательство АСТ», 2005
© ООО «Издательство Астрель»,
2005
© Presses Universitaires de France,
2005

ВВЕДЕНИЕ

Изложить на сотне страниц тысячелетнюю историю самого большого христианского государства Средневековья — такую невероятную задачу поставил перед собою и осуществил более семидесяти лет назад великий византинист Поль Лемерль. Это огромная честь — поставить после его имени свое. В настоящее время ситуация изменилась: изучение Византии со времен Второй мировой войны сильно продвинулось вперед, и не только в тех странах, на которые византийская цивилизация все еще оказывает прямое влияние, касается ли это религии, монументальной архитектуры или археологических находок, число которых возрастает в балканских странах и России. Свои исследования публикуют многие византинисты Западной Европы, Соединенных Штатов, а также Австралии, Японии, Китая... Даже в Турции Византия уже начинает восприниматься как часть национальной истории.

Обилие источников и новейших исследований привело к тому, что в серии «Cogito, ergo

sum» история Византии была поделена на две части. Книга, которую вы держите сейчас в руках, посвящена политической, социальной и экономической истории Империи. Вторая, написанная Б. Флюзеном¹, повествует о византийской цивилизации. Такой подход имеет свои недостатки, так как на самом деле невозможно отделить направления общественной мысли или литературные произведения от политической и экономической ситуации, в которой они создавались. Таким образом, между двумя книгами будет несколько точек пересечения, особенно в том, что касается развития христианства и становления церкви.

Читатель заметит, что хронологическое построение моей книги существенно отличается от хронологии П. Лемерля. Последний посвятил протовизантийской эпохе более половины своего исследования, тогда как здесь она едва занимает четверть. Вопрос о том, с чего следует начинать византийскую историю, не нов: это может быть Константин, или Ираклий, или даже императоры исаврийской династии. В то же время, по-видимому, трудно игнорировать Константина и протовизантийскую эпоху, когда складываются некоторые фундаментальные особенности Империи, а принципат августов, установившийся в Риме, трансформируется в христианскую монархию божественного пра-

¹B. Flusin, *La civilization Byzantine*, PUF, 2005.

ва, процветающую на берегах Босфора. Принимая в расчет появление двух книг Б. Лансона — о Константине и о поздней античности — и книги П. Маравалья о Юстиниане в той же серии «Cogito, ergo sum», я не останавливаюсь на событиях подробно и описываю лишь становление государственных структур христианской империи.

ГЛАВА I

РОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Проведенная императором Константином 11 мая 330 года церемония основания города, которому он дал свое имя, ознаменовала рождение будущей империи. Мы называем ее Византийской, но императоры и их подданные всегда считали ее Римской. Бесплезно возобновлять старые споры о том, когда возникла собственно Византийская империя. Для самих византийцев эпохи средневековья Константин Великий — это эталон императора. И это легко объяснимо: в наследство своим сыновьям и преемникам Константин оставил единую Империю, управляемую государем, власть которого никто не смеет оспаривать, и постоянную столицу, из которой осуществлялось централизованное руководство страной. Он начинает осуществлять религиозную политику, поддерживающую христианство, и закладывает основы отношений между императором и церковью. Каждый следующий император — это но-

вый Константин. Михаил VIII даже ввел это имя в свою титулатуру, а многие удачливые узурпаторы называли так своих сыновей и наследников.

I. — Империя и ее правитель

1. Единство империи. — Константин считал, что система тетрархов, установленная Диоклетианом ради того, чтобы преодолеть военный кризис, требовавшая присутствия императора на каждой из подвергавшихся угрозе границ, была нежизнеспособной, и не успокоился, пока не вернул монархическую власть. В Йорке в 306 году легионы его отца, тетрарха Констанция Хлора, провозгласили его августом, затем, в 312 году, он захватил Рим, устранив в битве у Мильвийского моста своего западного соперника Максенция, несмотря на превосходящие силы последнего. Накануне столкновения Константину был послан свыше сон или видение — в этом пункте свидетельства расходятся — знак в небе, благодаря которому он должен был одержать победу. Этот знак был монограммой имени Христа (составленной из букв X и P), которая стала впоследствии эмблемой христианских войск. С тех пор Константин стал приверженцем Христа, который даровал ему эту чудесную победу. Через десять лет, в течение которых Константин делил власть с Лицинием, он завершил объеди-

нение империи после победы при Хризополисе в 324 года.

Единству империи не противоречила множественность императоров, даже если естественное развитие ситуации тяготело к монархии. После 395 года императоры Запада и Востока сохраняли общее законодательство. Конец Западной империи в 476 году был отмечен только отправкой в Константинополь императорских регалий и установлением, согласно которому варварские короли признавали верховную власть единого императора Константинополя; таким образом, их власть оказывалась иной природы. В Средние века император, который полностью осуществляет свои прерогативы, определялся как *автократор*, чтобы отличать его от соправителей, чаще всего его сыновей, которых он предусмотрительно короновал еще при своей жизни.

2. Священный статус императора. — Константин и его преемники вплоть до Феодосия сохраняли титул *pontifex maximus*; но хотя императора, согласно римской традиции, по-прежнему чествует армия, Сенат и народ, с этих пор он получает свою власть от единого Господа. Церковь не играет никакой роли в божественном выборе, и только в 457 году константинопольский патриарх благословляет на царство уже коронованного нового государя. Не ранее эпохи Никейской империи или эпохи Палеоло-

гов под влиянием западного церемониала традицией становится миропомазание, совершаемое патриархом над императором.

Император должен править, подражая Христу, но общество прекрасно знает, что в реальности он всего лишь человек и ему свойственно ошибаться. В стремлении к «умеренности», то есть в духе компромисса, от него только требуется делать все, что в его силах, для общего блага христианского народа. В его деятельности ему помогают молитвы верующих и лучших заступников — святых. Императорские армии сражаются теперь во имя торжества Христа. С этих пор столкновения, в которых участвовали византийцы, всегда считались справедливыми войнами в защиту братьев во Христе.

Эта божественная легитимность освящает статус императора, и всякая попытка захвата власти карается специфическим наказанием — ослеплением виновного. Сверх того, последний уже не в состоянии вновь претендовать на власть в империи, поскольку царствовать достоин только человек, владеющий всеми функциями своего тела (тем самым евнухи тоже исключались из борьбы за корону). Церемониал отражает дистанцию между избранным Господа и прочими людьми. Его приветствуют проскинезой — земным поклоном, при котором визитер простирается ниц перед императором; запрещено обращаться непосредст-

венно к императору. Императору же строго предписано облачаться в пурпурные одежды. В императорские покои, *cubiculum*, закрыт доступ бородатым людям, это место предназначено для евнухов, чье влияние возрастает с конца IV века.

3. Узурпация и наследование. — Если статус императора не мог быть оспорен (он никогда не подвергался сомнению), то человек не был огражден от критики. Хороший император был обязан защищать своих подданных, утверждать справедливость и постоянно представлять доказательства высшей императорской добродетели — филантропии. Император — прежде всего законодатель, даже когда он предоставляет юристам заботы о редактировании законов или об ответе рескриптами на многочисленные запросы палатинских канцелярий и наместников в провинциях; таким образом громоздится перегруженная деталями и зачастую противоречивая юриспруденция.

Император, виновный в произволе или вызывающий неуважение к христианским заповедям, становится «тираном» и рискует вызвать божественный гнев, который обычно проявляется в виде катастроф, потрясающих Империю, причем самые страшные из них — отнюдь не поражения императорской армии. Бог посылает императору соперника, конечная победа которого свидетельствует о том, что Бог оставил

предыдущего правителя. Кроме того, победа соперника является подтверждением злодеяний его предшественника. В принципе не существовало определенного порядка престолонаследия, так как ограничить выбор Бога невозможно, но, будучи на троне, императоры, начиная с Константина, пытались передавать власть своим детям. Наследственный принцип, наконец, стал фактом, но попыток узурпации было множество, особенно со стороны военачальников.

4. Администрация государя. — Императоров всегда окружали личные советники. Константин и его сыновья продолжили традицию, созвав консисторий. Его состав формировался по воле императора, который включал в него высших сановников. Квестор, начальник дворца, два комита финансов — один управлял государственным казначейством, другой заведовал императорским имуществом — были членами консистория с полным на то основанием. Там обсуждались все основные вопросы: военное положение, обвинения в измене, религиозные проблемы, апелляции по судебным делам, доходившие до самого императора, назначение высших должностных лиц, прием посольств...

5. Императорский двор. — Земной порядок, отныне отражение божественного небесного порядка, незыблем, и каждый должен иметь в нем свое место, причем император, естественно,

находится на вершине иерархии. Принадлежность к классу высших сановников определялась занимаемой должностью. Титулы и должности менялись на протяжении веков, но иерархический принцип никогда не исчезал. Сохранились некоторые средневековые списки присутствующих, которые дают нам ключ к системе. Автор «Клиторология» (899) Филофей рассказывает о том, как во время императорских пиров каждый сидел за столом согласно своему рангу — ближе или дальше от императора. Существовало двойное разграничение: с одной стороны — между бородатыми людьми и евнухами. В то время эта многочисленная группа выполняла в императорских покоях самые разные функции. С другой стороны — между сановниками, которые назначались императором на пожизненные должности (самые высокие из них открывали путь в Сенат), и должностными лицами, звания которых император мог даровать или отбирать по своему усмотрению. Между двумя иерархиями было некое соответствие, так как высшие посты чаще всего влекли за собой наиболее престижные звания. Но иногда обладатели званий не исполняли никакой должности. Должности, как и звания, давали право на жалованье, или *roga*, пропорциональное их значимости; самые большие *rogai* назначались лично императором. Во времена правления Константина VII итальянский посол при константинопольском дворе, Лиутпранд де

Кремон, на Пасху присутствовал в Большом Дворце на ежегодном распределении *roga*. Он сообщает, что domestiку Схолу (командующему армией) понадобился помощник, чтобы унести все кошельки с золотом, ткани и предметы роскоши, которые ему были положены по должности.

II. — Константинополь и реорганизация восточной части империи

Основание Константинополя — это важнейшее событие, так как новый город стал наиболее населенным районом востока империи, а в скором времени, вследствие упадка Рима, и всей Римской империи. Через несколько месяцев после того как Константин избавился от Лициния, он принял решение основать новую императорскую резиденцию и после долгих колебаний остановил свой выбор на древней мегарской колонии Византий, расположенной на побережье Босфорского пролива. Получив имя своего основателя, она стала называться Константинополем. Создание императорского города не было абсолютно новым предприятием; Никомедия, соседний город, свидетельствовала об этом. Константин захотел воздвигнуть Новый Рим не для того, чтобы покинуть Рим древний, к которому он был по-прежнему привязан, но для того, чтобы утвердить власть империи на Востоке. Расположение нового города — его удаленность

от персидской и дунайской границ, достаточная для того, чтобы не оказаться во власти врага в случае нападения, и проходящие по суше и по морю пути — компенсировало такие неудобства, как недостаток воды и неровный рельеф, требовавший больших земляных работ. Финансирование первоначальных работ осуществлялось за счет богатств Лициния. Началась постройка укреплений, протянувшихся на 700 га.

Чтобы привлечь жителей в город, Константин раздал 80 000 порций хлеба и призвал сенаторов, прибывших из Рима, возвести здесь свои резиденции. Но ко времени смерти Константина в 337 году успех еще не был окончательным, несмотря на завершение строительства дворца, сената, терм Зевксиппа и огромного ипподрома. Констанций II продолжил дело отца, дал городу префекта, наделив его такими же правами, как и римского. Кроме того, он предоставил Сенату, число членов которого он значительно увеличил, открыв туда доступ богатым восточным землевладельцам, права, равные правам римского Сената.

Город продолжал развиваться благодаря строительству новых портов Пропонтиды и грандиозным работам по подведению воды, которые требовали создания как подземных водохранилищ, так и резервуаров под открытым небом. На случай осады их защищали новые укрепления, возведенные при Феодосии II и вдвое увеличившие территорию города. Пространство

между старой, «константиновской», и новой стеной никогда плотно не застраивалось, и позже здесь расположились монастыри и сады. Эти крепостные стены длиной в 7 км составляют самое примечательное достижение военной архитектуры античности. Двойной пояс стен, перед которым располагался широкий ров, был укреплен многочисленными башнями. В стене были прорублены ворота, и одни из них — Золотые Ворота, выходявшие на *via Egnatia*, — открывались только для триумфа императора или его генералов. На реставрацию этих стен тратились огромные средства на протяжении всего существования империи, поэтому они оставались непреодолимым препятствием для врагов вплоть до 1453 года. В 1204 году крестоносцы проникли в город со стороны моря через стены, построенные позже и значительно менее прочные.

В эпоху Константина было построено очень мало церквей; возведение первой Святой Софии было завершено не раньше царствования Констанция II. Их количество увеличивается в следующие два века усилиями императоров и наиболее богатых сенаторов: базилика Св. Иоанна Студита, церковь Св. Полуэкта и, конечно, Святая София, перестроенная Юстинианом. Наиболее скромные святилища и монастыри появились в окрестностях города с конца IV века.

Население быстро возрастает, так как частные инвестиции позволили возвести многочис-

ленные жилые здания — *domus*. В связи с упадком Рима на берега Босфора постепенно начинают доставлять египетскую пшеницу. В середине V века количество жителей Константинополя, несомненно, достигает максимума в 400—500 тысяч, но катастрофические пожары, последствия которых так и не были до конца устранены, сократили обитаемую площадь. Константинополь притягивает обездоленных, которые рассчитывают попасть на содержание в одно из многочисленных богоугодных заведений. Эта народная масса распространяет слухи и участвует в беспорядках, которые нередко затевают факции, или димы. Природа факций долго была предметом споров, так как их деятельность не имела четкой политической линии. Раньше их считали клубами болельщиков со своими цветами (Зеленые и Голубые); они поддерживали на состязаниях возниц спортивных колесниц на Ипподроме. Даже император должен был выбрать факцию. Сегодня считается, что члены димов, занятые, по-видимому, только развлечениями, изначально были бенефициантами гражданского налога на питание населения, то есть наиболее зажиточными гражданами. Система факций существовала и в других городах империи, как, например, в Антиохии. К концу VII века насилие в городах сокращается, и димы перестают быть элементом политической жизни; теперь это только организаторы и участники торжественных церемоний.

Физическое и институциональное развитие мегалополиса повлекло за собой частичную реорганизацию сети коммуникаций на Востоке; основные дороги сошлись в новой столице: *via Egnatia* от Диррахиона через Балканы, путь, который вел к Дунаю через Адрианополь, Филиппополь, Сингидунум (Белград), дорога, связывавшая столицу с Антиохией, дорога, ведущая через Севасту в Армению. В Малой Азии маршруты Восток—Запад, ведущие к портам Эгейского моря, в Эфес и Смирну не исчезли, но движение по ним значительно сократилось.

1. Централизация управления. — Возведение Константинополя положило конец передвижениям императоров, по крайней мере, в восточной части империи, так как отныне они постоянно пребывают в Большом Дворце, первые строения которого — Дворец Дафны, Халк (бронзовый павильон при входе) — были возведены Константином. Придворные полки, схолы, располагались прямо во дворце. Поблизости находились канцелярии администрации, важнейшей из которых была префектура претория Востока: он контролировал управление провинцией и располагал огромным аппаратом, куда входило более тысячи служащих. Другие региональные префектуры были более скромными. Финансовое управление было распределено между префектом претория, ответственным за налог на обеспечение питания населения в течение года, и двумя комитами, от-

ветственными за императорские финансы. На протяжении всего существования Византии главным собственником империи была корона.

Налоговая система и крупная торговля поощрялись Константином с помощью несравненного инструмента — создания золотой монеты под названием солид, по-гречески *nomisma*. Ее чеканили из расчета в 72 монеты за римский фунт — либр, что составляло 4,5 г золота высшей пробы. Вплоть до XI века солид выдерживал все финансовые кризисы империи. Медные монеты использовались при более скромных платежах, в повседневной жизни. В целом в экономической жизни Византии деньги имели широкое обращение. В протовизантийскую эпоху, вплоть до 850 года, когда чеканка золотых монет всецело сконцентрировалась в Константинополе, монеты изготавливались также в Фессалониках, Никомедии, Антиохии, Карфагене и Сиракузах.

2. Преобразования в армии. — Армия, сформированная во время войн тетрархов, имела в своем составе центральное ядро, полевую армию — *comitatenses*, которая сопровождала императора во время кампаний. Многие из этих новых корпусов расположились недалеко от столицы под командованием *magistri praesentales*. Остальные войска, старые легионы, стояли на границах империи, составляя то, что называли *limitanei*. Это разграничение двух типов

войск сохранялось в течение всей протовизантийской эпохи, но за эти три века армия в целом существенно изменилась. В основной армии теперь господствует кавалерия, которая постоянно повышает свою мобильность. Что же касается *limitanei*, то они теряют свою значимость в то же время, когда генералы перестают защищать империю на фортификационных линиях.

Использование в армии варваров вызывало в Константинополе яростное сопротивление, кульминацией стало уничтожение готов во главе с их командиром Гайной в 400 году. В то же время варвары, особенно готы в IV и V веках, а потом арабы-гассаниды на сиро-палестинской границе в VI веке, с успехом участвовали в защите империи — как в роли вспомогательных сил, так и вливаясь в элитные войсковые подразделения Византии. При императоре Маврикии оптиматы, набираемые среди ломбардцев, букеллари, из которых формируются личные дружины византийских полководцев, и, может быть, федераты, в ряды которых набирают и греков, составляют главные силы новой элитной армии. Эта армия сопровождает императора, откуда и происходит ее название — *obsequium*; после военных действий под командованием Ираклия она была репатриирована, чтобы защищать столицу от натиска арабов, и составила фему Опсикия — один из больших военных округов, созданных после отступления Византии на Восток.

III. — Церковь и империя

В июне 313 года Константин и Лициний встречаются в Милане и подписывают эдикт, изданный в Сардике их старым коллегой Галерием; этот эдикт положил конец преследованиям христиан. Отныне свобода вероисповедания дает новый импульс к распространению христианства, которое к тому времени оставалось религией меньшинства даже на Востоке, где христианские общины были наиболее многочисленны. Это решение, как и обращение в христианство самого императора, привели к необходимости определить отношения между церковью и империей.

1. Становление церковных структур. — Церковная организация строилась по модели государственной: в каждом городе был свой епископ, а духовный глава города, имевшего статус столицы провинции, стоял выше своих коллег и назывался митрополитом. Со времени правления Константина духовные лица разделили некоторые привилегии с императорскими сановниками и выделились среди членов христианской общины. Держатели некоторых кафедр постепенно получили особое признание, как в силу того, что их резиденции находились в мегалополисах, так и по причине первенствующей роли в дебатах во время церковных соборов. Сразу выделились три города: Рим, Александрия и Антиохия; в двух последних находились очень активные теологичес-

кие школы. Столичный епископ сначала обязан был подчиняться ираклийской митрополии Фракии, но, находясь в непосредственной близости от постоянной резиденции императора, не мог довольствоваться своим скромным статусом. В несколько этапов, санкционированных на церковных соборах, константинопольская кафедра, наконец, была провозглашена патриархатом. Это название было дано кафедрам, стоящим над митрополиями, во время Халкидонского собора 451 года. Иерусалимская кафедра тоже была повышена рангом: с тех пор, как был обнаружен Истинный Крест (эта находка приписывалась Елене, матери Константина) и увеличилось число паломников в Святую Землю, этот город воспринимался как столица христианского мира. Окончательно установилась и церковная иерархия: она признавала приоритет пяти кафедр. Отныне друг другу были противопоставлены две концепции церковного управления: одна, коллегиальная, основывалась на первенстве пяти кафедр, или на пентархии; другая, монархическая, стремилась установить торжество одной кафедры — римской или константинопольской.

Возвышение константинопольского престола вызывало беспокойство других восточных кафедр, которые к концу VI века фактически оказались под его властью: духовные лица всей империи ссылались на авторитет патриарха Нового Рима. Отношения с папством становятся все более сложными, потому что Восток готов

предоставить римской кафедре лишь почетное первенство, в то время как папы требуют признания их юридического приоритета, то есть права решающего суждения во всех церковных делах. Они обосновывают свои притязания утверждением Христа, обращенным к Петру, первому римскому епископу, что «на камне сем он воздвигнет свою церковь». Константинопольские патриархи отвергают этот папский аргумент, хотя в дальнейшем ссылаются на тот факт, что их кафедра была основана апостолом Андреем *Первозванным*, само имя которого указывает на его приоритет перед Петром. С VI века они добавляют к своему сану архиепископа Константинополя — Нового Рима эпитет «вселенский», тем самым выражая претензию на власть над всем Востоком. Это вызывало неизменный, хотя и тщетный протест римских пап.

Столичный патриарх управляет церковью с помощью постоянного синода, который состоит из епископов, пребывающих в столице; он окружен раздутым штатом клириков, принадлежавших «Великой Церкви», Святой Софии. Постепенно он создает администрацию, частично скопированную с императорской. В эпоху средневековья в ее главе стоят архонты, ответственные за широкие сферы деятельности: *chartophylax* (шеф канцелярии), *skeuophylax* (хранитель сокровищ Святой Церкви), эконо́м, сакелларий (ответственный за финансы, а позднее инспектор монастырей) и т.д.

2. Роль епископов. — Епископы, вокруг которых были созданы и выжили, несмотря на гонения, первые христианские общины, после 313 года стали играть все более важную роль и, окончательно присоединившись к элите, брали на себя все более широкие задачи, тем более что их епархии имели отныне право обладать собственностью. К традиционным скромным приношениям верующих прибавляются значительные императорские милости, а также щедроты сенаторов-аристократов, которые приносят церкви дары либо оставляют имущество по завещанию. Обогатившееся белое духовенство — собственность церкви неотчуждаема, и с ней еще не соперничают монастыри — обладает достаточными средствами, чтобы вознаграждать епископов так же, как государство награждает высших должностных лиц. Должность епископа становится, таким образом, весьма привлекательной. Это провоцирует соперничество, которое часто заканчивается покупкой должности (это было запрещено) и приводит к расширению духовенства за счет людей, принадлежащих к высокому социальному слою.

Влияние епископа увеличивается: в своей епархии он считается одним из наиболее значительных людей. Ему помогает эконо́м, и вдвоем они управляют собственностью епархии, раздают милостыню беднякам, вписанным в аккуратные реестры, и предоставляют все необходимое богоугодным заведениям, которые призваны да-

вать приют путешественникам, больным, старикам и сиротам. Император содействует церковной благотворительности, особенно в столице, начиная со второй половины VI века, после того как финансовое положение церкви пошатнуло тот же кризис, что и муниципальные финансы. Впоследствии монастыри частично подхватили эту инициативу.

Когда неудачи во внешней политике способствовали изоляции и ослаблению различных регионов империи, императоры опирались на авторитет епископов, которые, согласно каноническому праву, не сменялись. Епископы сглаживали ошибки императорской администрации. Так, в начале VII века архиепископ Фессалоник Иоанн побуждал население к сопротивлению аварским и славянским набегам. В 626 году патриарх Сергей получил от Ираклия задание спасти Константинополь от двойной агрессии — персидской и аварской. Этот прием срабатывал каждый раз, когда нормальное положение дел в обществе нарушал кризис, спровоцированный славянами, собственными инакомыслящими, франками и, наконец, турками.

Поначалу верующие в сельской местности, где епископ не совершал богослужений, могли рассчитывать только на священников из своих же рядов. Эти священники не обладали таким высоким уровнем дохода, как городское духовенство, и вообще мало отличались от своих собратьев-мирян. Например, они могли вступать в

брак, в то время как епископы должны были соблюдать строгий целибат; часто они занимались тем же ремеслом, что и их паства. В Средние века с белым духовенством конкурировало постоянно увеличивающееся монастырское духовенство.

3. Положение монашества. — Монашество в различных формах, от отшельничества до общины, появилось в Египте в III веке и быстро распространилось в соседних провинциях — Палестине и Сирии. Опорой для него стали влиятельные монастыри Неопалимой Купины на Синае, Святого Сабаса недалеко от Святого Города и Святого Симеона рядом с Антиохией (этот монастырь известен благодаря огромному гостиничному комплексу, выполненному для паломников, которые толпами шли к знаменитому столпнику). Монахи, которых узнавали по черному облачению — «ангелической» одежде, быстро обрели популярность. Лучшие из них, причисленные к лику святых, считались действенными посредниками между Богом и верующими. Их влияние распространялось на все общественные слои: они ходатайствовали как за деревенских жителей, так и за самого императора, к которому они обращались с поучениями, используя свои близкие отношения с Богом.

Монахи активно участвовали в конфликтах, раздиравших церковь, а монофизиты находили поддержку в монастырях. Будучи рукополо-

женными в священнический сан, становясь епископами и даже патриархами, они соперничали с белым духовенством. Они проникали ко двору в качестве духовных наставников светской аристократии, а некоторые из них, как Феодор Студит, великий реформатор конца VIII века, были членами императорского совета. Императоры нуждались в молитвах монахов для успеха своих начинаний. Среди мирян, особенно принадлежащих к знати, вошло в обычай в конце жизни удаляться в монастырь, которому они оставляли свои богатства, частично или полностью. В конце периода иконоборчества монастыри, которые, в отличие от западных, никогда не образовывали монашеских орденов, стали обладателями огромной земельной собственности. Императоры неоднократно тревожились по поводу ее размеров и даже хотели их ограничить. Но, в обмен на неприкосновенность, монастыри взяли на себя функцию императора по строительству и финансированию благотворительных учреждений.

4. Император и церковь. — Во времена Римской империи август исполнял обязанности верховного жреца и был объектом культа: после смерти его обожествляли. Обращение Константина в христианство сразу все изменило, хотя звание «верховного жреца» изъял из своего титула только император Грациан. Зато Константин был единственным византийским импера-

тором, который почитался как святой (естественно, после его смерти). Таким образом была заложена средневековая традиция причисления к лику святых тех правителей, которые способствовали крещению своих народов (причем их прошлое поведение не учитывалось). Так, Константину была прощена склонность к арианской ереси. Агиография Константина многим обязана «*Vita Constantini*» — произведению Евсевия, епископа Кесарийского в Палестине; оно было опубликовано почти сразу после смерти императора. В нем превозносится провиденциальный характер обращения Константина и впервые формулируется то, что станет вскоре официальной доктриной, определяющей отношения императора и церкви.

Константин не ставил перед собой задачу крестить язычников, которые явно преобладали в империи в то время, когда он обратился к христианству. Зато после периода реакции при Юлиане, которого христиане прозвали Отступником за возврат к язычеству, Феодосий провозгласил христианство государственной религией, и императоры ощутили в себе призвание к распространению христианской веры за счет других религий империи, порвав с римской традицией веротерпимости.

Иудеи, которых было много в городах империи, сохранили право исповедовать свою веру, но их положение ухудшилось, поскольку любой прозелитизм был запрещен. Кроме того, иудеям

был закрыт доступ к государственной службе, как гражданской, так и военной. Христиан призывали не входить в синагоги, не посещать дома иудеев, так как церковь опасалась, как бы верующие не переняли иудейские обычаи (например, не начали праздновать Пасху по иудейскому календарю) и не «иудаизировались». Это обвинение предъявлялось всем противникам «ортодоксии». В Палестине, где иудеев оставалось довольно много, они проявляли враждебность к империи, приветствуя войска персов, а потом и арабов. По разным причинам императоры неоднократно пытались обратить иудеев в христианство, но из этого ничего не вышло. Исключая эти временные обострения, иудейские общины жили по своим заветам; их не трогали вплоть до конца империи.

Однако религиозная нетерпимость возрастала. Грациан и Феодосий (последний — под влиянием Амвросия, епископа Миланского) в качестве символического акта приказали удалить из римского Сената алтарь Победы. Рядом законов были запрещены жертвоприношения, всякое почитание идолов, упразднены Олимпийские игры. Как правило, статуи языческих богов разбивали на куски, но заброшенные храмы не разрушали, кроме тех, что были уничтожены по инициативе императора или из-за чрезмерного рвения того или иного епископа (так, например, был разрушен храм Сераписа в Александрии). Некоторые языческие храмы использовали как

обычные, светские помещения; другие были превращены в церкви в более позднюю эпоху. Парфенон, например, стал церковью Божьей Матери Афинской. Мало-помалу язычникам запретили состоять на государственной службе, и, наконец, в 529 году Юстиниан принудил креститься последних из них; при этом многие константинопольские аристократы были казнены, а их имущество конфисковано. Но к концу VI века язычники еще оставались. Во второй книге данной серии, также посвященной Византии, будет показано, что классическая культура, по сути своей языческая, была усвоена христианами авторами; за исключением немногих все они приняли это наследство.

5. Формирование ортодоксии. — В Африке донатисты проповедовали непримиримость по отношению к тем христианам-«предателям», которые во время гонений в эпоху Диоклетиана проявили слабость и согласились приносить жертвы языческим богам, а также добровольно сдали церковное имущество властям. Подобная позиция противопоставила донатистов большинству более терпимых епископов, и последние потребовали от Константина, чтобы он поддержал своей властью ортодоксальных христиан и собрал епископов, которые осудили бы донатистскую ересь. Император, не пытаясь вникнуть в суть проблемы, доверил ее решение римскому епископу, а затем Арльскому

собору. Вмешательство императора объясняется стремлением положить конец смятению в обществе, а также римской традицией, которая наделила августа религиозной властью.

Константин осознал, что существует более серьезный спор, разделяющий христиан, — спор о природе Христа. Александрийский священник Арий утверждал, что Христос — творение Бога-Отца — не единосущен с ним и, следовательно, имеет низшую природу. По совету Осия, епископа Кордовского, в 325 году Константин собрал в Никее всех епископов, чтобы определить истинное учение о Христе. Этот первый вселенский собор, который возглавил лично император (хотя он и не вмешивался в теологические дискуссии), осудил арианство и создал прецедент: собор считался вселенским только в том случае, если был созван и возглавлен самим императором, а также, если он объединял представителей разных патриархатов.

Никейский символ веры установился не сразу, и арианский кризис не был разрешен вплоть до собора 381 года, проходившего в Константинополе. Констанций, сын Константина, поддерживал сторонников Ария, и это поставило перед церковью новые вопросы. Императорское заступничество позволило арианам, осужденным на Никейском соборе, противостоять претензиям церкви вплоть до смерти августа. Права императора в отношении церкви определялись постепенно и не без колебаний. За ним признава-

лось управление земной церковью, ибо Бог доверил ему весь земной мир. Патриарх не мог быть избран без согласия императора, который выбирал между тремя кандидатами, выдвинутыми синодом, а синод принимал во внимание выбор монарха. Точно так же, если при восхождении на престол нового императора действующий патриарх вступал с ним в конфликт, то август всегда имел перевес в синоде и просто смещал патриарха. Кроме того, император имел право вмешиваться в церковную иерархию по своему усмотрению, например, возводя епископа в сан митрополита.

Участие императора в формулировке догматов с самого начала вызывало упорное сопротивление. Действительно, задачей монарха была борьба ересью и поддержание единства христианского мира. Прикрываясь этой обязанностью, многие императоры, в частности, Юстиниан, Ираклий, Константин V, а в более позднюю эпоху — Мануил Комнин, пытались навязать свою точку зрения на церковные догматы, причем они всегда опирались на определенную партию духовенства. Церковники быстро восстали против этих притязаний, но только папа Геласий в 491 году, то есть в эпоху, когда Рим не был непосредственно подчинен власти Константинополя, высказал теорию о двух властях: светская власть принадлежит императору, но он должен склониться перед духовной властью понтифика. Некоторые константинопольские

патриархи, например Фотий, приняли на свой счет притязания Геласия, так же как и император, пришедший к власти путем кровавой узурпации, — Иоанн Цимисхий. Отношения между императором и церковью, римской и константинопольской, стали все чаще определяться правом силы и политическими обстоятельствами.

Религиозные споры, касавшиеся двойной природы Христа, человеческой и божественной одновременно, не завершились с поражением арианства. Причем дело было не только в теологии, но и в политике. Несториане, которые выдвигали на первый план человеческую природу Христа, отрицая божественное материнство Марии (Феотокос), были осуждены на Эфесском соборе 431 года. В империи их было сравнительно немного, и они были охотно приняты в Персии. Ее правители после долгих преследований христиан, наконец, стали относиться к ним терпимо, тем более что большинство из них были именно несторианами, враждебными официальной церкви Константинополя.

Александрийская церковь во главе с Кириллом вела борьбу против Нестория и настаивала на ипостасном единстве Христа, причем две его природы не различались до такой степени, что человеческое лицо Иисуса грозило просто исчезнуть. Монофизиты в свою очередь были осуждены на Халкидонском соборе 451 года при активном участии папы Льва. Принятая дифизитская доктрина гласила, что Христос в одно и

то же время — абсолютный человек и абсолютный Бог. Проблема не была разрешена, так как монофизиты, отныне еретики в глазах участников Халкидонского собора, сохраняли свои позиции в Египте и Сирии.

Таким образом, было бы справедливо считать Константина создателем Византийской империи, даже если подобное утверждение пренебрегает элементарной хронологией в отношении военных и административных реформ Аврелиана и Диоклетиана: ведь этот выходец с Запада преобразовал Восток, дав ему разумно расположенную и прекрасно защищенную столицу, благодаря чему обеспечил будущее благополучие империи. Наконец, он оставил о себе память как о добром христианском императоре, чьей главной заботой было единство верующих.

На протяжении IV века империя уже была разделена между несколькими императорами, и Феодосий не совершил ничего нового, когда перед своей смертью в 395 году оставил сыну Гонорию западную часть с главным городом Равенной, а сыну Аркадию — восточную со столицей в Константинополе. В тот момент разделение не воспринималось как непоправимое, но фактически оно стало окончательным, хотя мечта об объединении двух частей всемирной империи никогда не исчезала.

В V веке, благодаря процветающей экономике, Восточная Римская империя обеспечивала высокий прожиточный уровень постоянно рас-

тущему населению, а также имела достаточно средств, чтобы откупаться от варварских нашествий. Одно время варвары представляли серьезную угрозу для Балкан, когда в 376 году готы-федераты вырезали римскую армию и убили императора Валента в Адрианополе. Константинопольские императоры неоднократно помогали своим братьям в Равенне, но в 476 году не смогли помешать Одоакру низложить последнего императора Западной Римской империи. Отныне единственный римский император правил в Константинополе. В качестве его представителя король остготов Теодорих, имевший звание главнокомандующего, отправился в Италию, чтобы изгнать Одоакра. Воспользовавшись относительным затишьем на границах, император Анастасий, ранее состоявший в должности силенциария, мог с большей эффективностью собирать налоги и контролировать расходы. В итоге он оставил своим непосредственным преемникам, Юстину и его племяннику Юстиниану, значительный золотой запас и населенную, цветущую империю.

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОСУДАРСТВА (527—718)

У читателя может вызвать законное удивление тот факт, что правление Юстиниана включено в главу, посвященную отступлению империи к ее средневековым границам. На самом деле следует принять во внимание предзнаменования грядущих испытаний, еще не слишком заметные во времена его правления: начинается демографический спад, мегалополисы, как, например, Антиохия, приходят в упадок, старая аристократия, причастная к управлению государством, слабеет. В это же время Балканы подвергаются набегам, а чрезмерно протяженные границы возросшей территории Византии создают немалые трудности для ее защиты. Кроме того, Юстиниан экспериментировал с решениями административного характера, дав некоторым губернаторам и гражданскую, и военную власть вопреки традиции, согласно которой полномочия четко разграничивались.

I. — Экономические и социальные изменения

1. Возвращение чумы и ее последствия. — Чума, исчезнувшая в Средиземноморье со II века, вернулась в 542 году и жестоко поразила Константинополь. Если верить Прокопию, в разгар эпидемии каждый день уносил несколько тысяч жизней. О последствиях эпидемии споры идут до сих пор, поскольку письменные источники дают слишком мало информации. Однако, анализируя результаты последующих вспышек эпидемии и беспорядки, порожденные войнами, принято считать, что население империи, которое при Юстиниане преодолело планку в двадцать миллионов жителей, в последующие столетия существенно сократилось. Демографический спад сказался на численности армии, количестве городского населения и интенсивности товарообмена.

2. Деревня. — От процветания деревни зависело благополучие империи и ее городов, ведь по самым приблизительным подсчетам крестьяне отдавали от трети до четверти своей продукции (а в богатом Египте, видимо, даже больше) в качестве налога. Это соотношение колебалось в течение столетий, но в принципе никогда не выходило за пределы этих рамок. Сельскому хозяйству требуется много рук, и это условие выполнялось вплоть до царства-

ния Юстиниана. Развитие земледелия зависит также от неодинаковых природных условий. Помимо нескольких признанных «житниц» империи — Египта, Африки, Сицилии, провинции Азии, разведение разных сельскохозяйственных культур процветает во Фракии, Вифинии, Сирии, где выращивание оливковых деревьев позволяет экспортировать масло; на анатолийском плато и в окрестностях разводят скот. В разных провинциях темп экономического роста неодинаков. В северной Сирии, где многие византийские деревни, построенные из известняка, сохранились до наших дней, можно проследить экономическое развитие сельской зоны, близкой к столице области Антиохии. В первой половине VI века население северной Сирии удвоилось по сравнению с IV столетием, и деревни здесь никогда не процветали так, как в это время. Затем последовала стагнация на этом высоком уровне, предшествовавшая спаду, который продолжался в течение нескольких веков, причем арабское завоевание не внесло существенных изменений. В других местностях империи палинологические исследования (изучение пыльцы и спор растений) свидетельствуют об отступлении лесов и увеличении числа культивируемых растений вплоть до VI века. Затем начинается обратная тенденция, которая действует на протяжении нескольких веков и является признаком спада сельскохозяйственного производства.

3. Упадок городов. — В VI веке ремесленное производство остается интенсивным, даже за пределами Константинополя. Эпиграфические находки сохранили для нас сотни надгробных надписей в киликийском порте Корикос, в которых упоминаются представители различных ремесел: кожевенники, парфюмеры, торговцы вином и маслом, содержатели кабаков и трактиров, а также представители двух гильдий — банкиры и торговцы льном. Те же виды деятельности упомянуты в надписях Тира, большого восточного порта, но к ним добавляются еще производители пурпурных тканей и стеклодувы. На территории всей империи развивалось строительное дело, связанное с необходимостью создания защитных сооружений, а также церквей, руины которых находят сегодня во всех поселениях. Проконесский мрамор продолжают использовать при строительстве великолепных зданий, а для более скромных нужд существует камень из местных карьеров. Мозаичисты находят себе применение на многочисленных стройках Константинополя, Равенны, Сирии и Палестины. В мегалополисах процветает производство предметов роскоши, которым занимаются золотых дел мастера, резчики по слоновой кости, производители шелковых тканей...

Местная знать все меньше участвует в украшении городов; теперь этим занимаются в основном епископы, возводящие многочисленные церкви. Филантропия, которую можно назвать

скорее милосердием, направлена теперь не только на ограниченное число бедных горожан: согласно евангельским заветам, она распространяется на массу вырванных из своей среды крестьян, которые ищут милостей судьбы в городах, в первую очередь в столице, где концентрируются благотворительные учреждения. Император становится первым благодетелем, поскольку только он располагает достаточными для этого средствами.

Юстиниан отличился в двойной роли — строителя и благотворителя. После городского бунта Ника («Победа»), который вспыхнул в результате подстрекательства факций и чуть было не закончилось победой в 532 году, он перестроил Святую Софию (церковь Божественной Премудрости) с щедростью, которая стала символом отношений христианского императора с Богом и демонстрацией величия империи. Смелость технических решений свидетельствует о высочайшем научном уровне архитекторов храма: Анфимия из Тралл и Исидора из Милета. При Юстиниане было возведено или реставрировано множество других церквей в столице и ее окрестностях: церковь Святой Марии Влахернской, которая на протяжении всего Средневековья была главным храмом, посвященным Богородице, церковь Святой Ирины, храм Архангела Михаила в Анапле... В провинциях империи по приказанию императора были возведены храм Богородицы в Иерусалиме и монастырь

Неопалимой Купины на Синае, который позже стал называться монастырем Святой Екатерины. Юстиниан восстановил обветшавший храм Святого Иоанна в Эфесе, неоднократно выделял деньги на восстановление Антиохии, особенно после ужасного землетрясения 526 года. Он не забывал также о границах, строя и восстанавливая укрепления и крепости в огромном количестве. Его преемники не могли поддерживать такой темп, и, начиная с правления Ираклия, упоминания о строительстве подобных масштабов становятся редкими.

Аристократия муниципиев, управлявшая городами со времен поздней античности, постепенно уступала место государственным должностным лицам. Централизация усиливалась в то же время, как уменьшалась территория империи. Распределение и сбор налогов, которыми раньше занималась местная городская администрация, были переданы в центральное ведомство логофета *геникона*. В средневековой Византии эта должность соответствовала современной должности министра финансов. Крупные земельные собственники теперь практически не жили в своих имениях, предпочитая города, которые были лучше укреплены и защищены.

4. Упадок торговли. — Наши представления о морских перевозках значительно обогатились благодаря вкладу керамологии — дисциплины, которая позволяет идентифицировать мастер-

ские, где были изготовлены амфоры, предназначенные для перевозки на кораблях зерна, масла или вина, определить их содержимое и время их производства. В Карфагене скапливались амфоры из Сирии и Палестины, содержавшие вино и масло. Североафриканскую керамику находят в Константинополе, Малой Азии, на юге Греции... В VI веке Юстиниан еще работал над осуществлением плана, который позволил бы заменить импортный шелк из Персии и Дальнего Востока местным, полученным в результате разведения шелковичных коконов в самой империи. Византийские корабли бороздили все Средиземное море, господствовали на Красном море и даже добирались до Бретани в поисках олова. Сирийские торговцы, высаживаясь в Марселе, посещали мервингскую Галлию, а вино из Газы достигало франкского двора наравне с шелком и папирусами. Византийское золото ценилось на всем варварском Западе. Массовые поставки в столицу египетской пшеницы привели к необходимости возведения хлебных складов и огромных портовых сооружений. Без сомнения, с эпохи Константина средний тоннаж кораблей уменьшился, что стало знаком существенного упадка морской торговли. Усилилась децентрализация товарообмена.

В следующем столетии общая картина значительно изменилась. Обезлюдившие города превратились в *castra* (укрепление) со стенами, возведенными на руинах ставших ненужными ан-

тичных зданий — театров, храмов, терм. Однако строят их в единой манере, что говорит о централизованном руководстве этим процессом. Стены окружают небольшое пространство (в Анкирии, Эфесе, Милете, Сардии, Пергаме — это только несколько примеров), и жители, которым больше не нужно импортировать большие количества товаров, удовлетворяются продукцией внутренних районов империи. Египетский зерновой налог перестал поступать в Константинополь в 618 году, что спровоцировало суровый голод, который, однако, был недолгим. Это еще одно доказательство того, что население города значительно сократилось. После царствования Ираклия из-за недостатка бойцов прекращаются и городские волнения, достаточно серьезные в V и VI веках, когда празднующие толпы действовали согласно лозунгам (не только политическим или религиозным) глав факций.

Кроме того, теперь никто не обеспечивает безопасность морского пространства, особенно после того, как небольшие суда славян, сделанные из одного куска дерева, начинают бороздить Эгейское море, и тем более — после появления мусульманского флота, превратившего прибрежные районы, где раньше концентрировались крупные города, в зону запустения. Монетизация экономики, которая поддерживалась за счет завышенных налогов, сильно сдает, так как на денежный фонд тяжким бременем ложат-

ся суммы выкупа, который Византия платит захватчикам, а также военные расходы и потеря богатейших провинций. Товарообмен между двумя частями Средиземноморья не исчезает полностью, но становится эпизодическим и распространяется в основном на предметы роскоши. Торговый договор 716 года с болгарами предусматривает ежегодные денежные потоки размером в 50 золотых либров, что было ничтожно малой суммой.

Обзор коммерческой деятельности позволяет утверждать, что крушение произошло еще до вторжения арабов, которое не оказало прямого воздействия на средиземноморскую экономику. Этот факт заставляет частично пересмотреть знаменитый тезис Анри Пиренна, который связывал прекращение средиземноморской торговли с арабским завоеванием. Малая Азия опустошалась персидскими войсками с периода царствования Ираклия. Остается спорным вопрос: в какой мере положение городов отражает ситуацию в деревне, на которой меньше сказывается воздействие осад и различных военных операций? Торговля могла продолжаться и в форме натурального обмена, который не оставляет следов в документах. Иначе сложно было бы понять, каким образом империя могла формировать и вооружать армию, набирать и кормить войска, даже если численность этой армии была значительно меньше, чем мусульманской.

II. — Преобразованная империя

1. Восстановление Римской империи? — В 527 году Юстиниан вступает на престол и составляет амбициозный план преобразований, который подразумевает решительные действия как во внутренней, так и во внешней политике.

Внутреннее *renovatio* (обновление) касалось прежде всего права, которое считалось основным объектом деятельности императора. Несмотря на существование более ранних кодексов, например, *Кодекса Феодосия*, римское право представляло собой сложный и довольно непоследовательный комплекс законов. Причиной тому было множество императорских эдиктов и их различная интерпретация юристами. Юстиниан образует комиссию во главе с Трибонианом. Собрав и изучив все римские законодательные акты, она создает свод гражданского законодательства, который включает *Кодекс Юстиниана*, *Дигесты* — извлечения из сочинений классических римских юристов и *Институции* — учебник для студентов-правоведов. Позднее к трем основным частям корпуса были добавлены *Новеллы* (новые законы) — собрание императорских постановлений, вышедших в 535–556 годах, уже после издания кодекса. Впервые они были опубликованы на греческом языке. В провинциях продолжало использоваться местное право. Своей славой

Юстиниан во многом обязан своей законодательной деятельностью. Уже на базе Кодекса Юстиниана составлялись последующие кодексы — *Эклога* («избранные законы») Льва Исаврийского и *Василики* («царские законы») македонской династии. Заново открытый в Италии XI века, Кодекс Юстиниана стал основой современного европейского, так называемого романо-германского права. На процесс законотворчества оказало влияние христианство. Условия развода становятся более строгими, но участь жены и детей улучшается. Смягчаются телесные наказания, поощряется освобождение рабов.

Когда Юстиниан решил предпринять наступление на Запад, его империя была мощной и богатой, в то время как варварские королевства Запада были изолированы друг от друга и ослаблены поддержкой арианства, поскольку их народы в основном исповедовали никейский символ веры. Император, решив купить мир с персами и не беспокоиться сверх меры из-за ситуации на Балканах, захотел сделать из Средиземного моря римское озеро и вернуть империи ее прежнюю столицу Рим. В 533 году, несмотря на отрицательное мнение своих полководцев, он принимает решение атаковать африканских вандалов, которые после разграбления Рима и отражения мощной армии византийского главнокомандующего Василиска в 468 году наводили страх на Византию. Молодой полководец

Велисарий, которому Юстиниан доверил армию, высадился около Карфагена и за несколько недель разбил вандалов. Юстиниан восстановил префектуру Африки, но потребовались многие десятилетия перманентных войн против берберов, пока здесь не установились мир и относительное процветание.

Ободренный этим успехом и семейными раздорами, которые последовали за смертью Теодориха, Юстиниан послал Велисария против остготов. Полководец взял Сицилию без боя, пройдя через Неаполь, дошел до Рима и, наконец, в 540 году вошел в столицу королевства Равенну. Война затянулась из-за беспорядков в армии, возникших в результате чумы и яростного отпора остготов во главе с новым вождем Тотилой, который чуть было не отбросил византийцев за пределы Италии. Юстиниан вверил евнуху Нарсесу сильную армию, которая вновь взяла Рим, в 552 году победила Тотилу и в 562 году захватила последние укрепленные города на севере страны, Верону и Брешию. Издав *Прагматическую санкцию*, Юстиниан восстановил префектуру Италии, гарантировал права и свободы сенаторов и обещал избегать налоговых злоупотреблений.

Кроме того, византийцы, вняв призыву мятежников, выступивших против вестготского короля Агилы, отправили небольшую армию на юго-восток королевства, и она обосновалась в Бетике.

Политику Юстиниана часто порицали. Ему приписывали намерение восстановить Римскую империю во всем ее величии, как во времена Августа; более конкретные обвинения состояли в том, что он раздвинул границы империи в то время, когда состояние финансов и нехватка людей ограничивали численность римской армии, которая к 600 году составляла в лучшем случае 150 000 человек. В этой критике есть доля истины, но Юстиниан, и в самом деле проникшийся величием римского классического периода, по видимому, ставил перед собой вполне конкретные цели. Так, в отношениях с франками он ограничился политикой альянса. Кроме того, когда Юстиниан предпринял свои завоевания, чуму 542 года и ее демографические и экономические последствия нельзя было предвидеть. Сопrotивление готов, повлекшее за собой значительные разрушения в Италии, которую в большой мере пощадили германские нашествия, было неожиданным, но Рим фактически стал провинциальным городом с населением, насчитывавшим не более 30 000 жителей. Наконец, поворот империи к Западу предоставил ей исключительно ценные ресурсы Африки и Сицилии, которые она использовала вплоть до того времени, когда первые нападения арабов чуть не смели все на своем пути.

2. Невозможность единства христиан. — Со времен Халкидонского собора единство христиан не было восстановлено. Арианство было в

принципе уничтожено в ходе юстиниановских войн, но монофизиты сохраняли свои позиции в Сирии и Египте. Они пользовались сочувствием императора Анастасия и императрицы Феодоры, супруги Юстиниана. В одном из своих дворцов в столице она принимала большое число монахов этого направления, а также защищала Иоанна Эфесского, одного из знаменитых монофизитских проповедников, который бродил по дорогам Малой Азии. Супруг Феодоры был убежденным сторонником решений Халкидонского собора, но при этом пытался вернуть монофизитов в лоно официальной церкви. Ему казалось, что он нашел для этого способ, осудив тремя эдиктами тексты, которые считались несторианскими. Папа Вигилий, поддерживаемый всей западной церковью, не поддался на эту уловку. Но призванный в Константинополь, где его удерживали насильно, он перед смертью все же подписал решения V вселенского собора, который осуждал *Три главы*. Несмотря на давление императора, латинская церковь отвергла данный компромисс. Этот догматический спор является примером дилеммы, стоявшей перед императорами: они шли на риск разрыва с латинским христианством ради воссоединения с восточными провинциями, жизненно важными для империи. На востоке императора тоже ждал провал, так как монофизиты, которых поддерживали арабы-гассаниды, контролировавшие сирийскую границу империи, во главе с мона-

хом Яковом Барадеем создали параллельную церковную иерархию и соперничающую церковь в Сирии. Эту церковь стали называть «яковитской» по имени ее основателя. Власти запрещали яковитским епископам входить в города, и они укрывались в монастырях. Две церкви жестоко соперничали. Чтобы одолеть монофизитов, завладевших самым знаменитым сирийским святилищем, посвященным Симеону Столпнику, официальная церковь создала культ второго Симеона Столпника, который основал одноименный монастырь на горе Дивной по дороге из Антиохии в Селевкию.

III.— Под натиском врагов

Начиная с середины VI века степные народы вновь пришли в движение. Серия миграций повлекла за собой новую волну нашествий — лангобардских, славянских, аварских, болгарских. Они происходили в то самое время, когда традиционное равновесие между двумя великими и мощными державами, Римом и Персией, было нарушено. Эти сложные обстоятельства вызвали изменение римских институций, предвестием чего стало создание в конце VI века экзархатов Африки и Равенны — двух провинций, удаленных от Константинополя. Поскольку их границы подвергались постоянной опасности со стороны варваров, возникла необходимость в местном управлении, наделенном широкими

гражданскими и военными полномочиями, способном предпринять быстрые шаги в случае вражеского вторжения.

1. Италия. — Лангобарды сформировали армию, которая завоевала Италию, принадлежавшую Юстиниану. С 568 года они хлынули на полуостров, который многим из них был уже знаком. Они очень быстро обосновались на равнине реки По, а затем им удалось создать герцогства Сполето и Беневенто. Таким образом, они уничтожили единство византийской Италии, которая была организована вокруг двух полюсов — экзархата Равенны, включавшего Рим и Сицилию с Калабрией и Апулией. Продвижение лангобардов тормозилось слабостью верховной власти и выбором арианства, которое отталкивало церковь и местную знать. Тем не менее, поскольку императоры не могли послать подкрепление, ибо очень нуждались в войсках на Востоке, лангобарды продвигались на север Италии, который они постепенно покорили, за исключением Венеции, города, укрытого на островах.

Класс сенаторов был уничтожен в ходе катаклизмов VI века, и новые кадры выходили из рядов армии, набираемой на местах. Эта эволюция ослабила связи с восточной частью империи. Единственные военные подразделения, приходящие с востока, сопровождали экзархов Равенны, когда они прибывали для вступления в должность. Местные вожди в Неаполе, Вене-

ции, даже в Риме понемногу обретали автономию, хотя и не порывали с Константинополем, который продолжал присваивать им придворные титулы.

Сицилия, практически не пострадавшая в ходе завоеваний, сохраняла свою роль житницы — ценного козыря в эпоху, когда вся остальная империя страдала от вражеских набегов. Император, церкви Рима и Равенны, уцелевшие итальянские сенаторы имели там обширные владения, приносившие большой доход. Нападения на Балканы и на восток империи вели беженцев на этот остров, где укреплялся эллинизм; выходцы с Сицилии неоднократно занимали трон понтифика.

2. Балканы. — С 540-х годов на Балканы проникает значительное количество славян; их военная мощь поддерживается соседними племенами тюркского происхождения — кутригурами и аварами. Юстиниан не забывал о защите полуострова, на котором родился: в ознаменование этого события он основал там новый город. Кроме того, по его инициативе были построены несколько сотен оборонительных сооружений различной значимости. Тем не менее, поскольку префектура Иллирии не имела первостепенной важности, войска выводились оттуда в Италию или на Восток.

В 582 году авары захватили Сирмий, город стратегической важности, через который кон-

тролировался доступ на Балканский полуостров, и славяне смогли пройти по Греции до самого Пелопоннеса. Они двигались массой, несколькими волнами, особенно в районе Фессалоник, которые они тщетно осаждали сначала в 586, а потом и в 618 году. Защита города была предоставлена жителям Фессалоник и их святому покровителю великомученику Димитрию, как об этом свидетельствуют «*Miracula Demetrii*» («Чудеса св. Димитрия»). Постоянно увеличивавшиеся в размерах выкупы не смогли сдержать продвижение аваров; их остановил только удар, нанесенный императором Маврикием. Он очистил дунайскую границу, но был свергнут и убит в 602 году армией, которая была отправлена им на зимовку к северу от Дуная.

В то время как персидская война требовала присутствия всех византийских армий на востоке, авары, поддерживаемые славянами, двинулись на Константинополь и осадили столицу в 626 году, но были отброшены, в результате чего аварский каганат распался. Чтобы ограничить влияние аваров, Ираклий позволил сербам и хорватам обосноваться на северо-западе полуострова. Но это не остановило славянской экспансии, которая распространилась на всю Грецию. Историки ведут дебаты о влиянии славянских набегов на греческое население. Сегодня принято считать, что побережье и острова Эгейского моря, доступные для византийского флота, избежали славянской оккупации и приняли

греческих беженцев; на этой территории действовала императорская администрация. Дальше на север *via Egnatia* стала непроходимой между Диррахием и Фессалониками, причем Фессалоники были отрезаны от Константинополя. Что касается далматского берега, то там сохранялись зоны латинских поселений, как в Сплите или Задаре, но в целом греческая и латинская части Средиземноморья были захвачены славянами. Славянское завоевание почти полностью разрушило сеть городов, унаследованную от античности. Но славяне-земледельцы пополнили сельское население Балкан (в какой мере — все еще спорят).

Византийские императоры пытались вновь открыть пути сообщения, как только ситуация на Востоке позволила это сделать. Константу II, который выехал из столицы в 662 году, пришлось добираться до Фессалоник морем, прежде чем попасть на дорогу, ведущую в Афины и Коринф. В следующем году он отправился в «Старый Рим» (став последним византийским императором, вплоть до Палеологов, который там побывал). Во время этого путешествия он сделал остановку на Сицилии, почти не пострадавшей от нашествий. Именно там он и был убит в 668 году. Восстановление власти Византии на Балканах было подорвано приходом на полуостров болгар под предводительством хана Аспаруха. Болгары перешли Дунай и в 681 году победили Константина IV. Император признал

их право на завоеванные территории между Хемосом и Дунаем и заплатил выкуп. Отныне новое государство, расположенное вокруг Плиски, делило полуостров с византийцами. Однако, в отличие от отношений с мусульманами, их вражда не стала постоянной: болгары помогали Константинополю в борьбе с арабами.

Потребовалось несколько походов против славян: кампания Юстиниана II в 688 году, когда он взял в плен множество славян и переправил их в Малую Азию; кампания Ставракия в 783 году; а также поход во времена регентства Ирины, чтобы восстановить административные структуры и создать фемы Эллады, Пелопоннеса, а потом и Никополя. Тем не менее, освободительный процесс шел очень медленно, и только при Константине V Фракия была действительно освобождена и укреплена обновленной цепью крепостей. Несколько позже, после неудавшегося мятежа славян в окрестностях Патраса, Никифор I водворил мир на Пелопоннесе.

3. Последняя «великая война античности». — Персия и Византия традиционно враждовали из-за господства в Армении, населенной в основном христианами, которые, однако, жили под влиянием персидской цивилизации. Персия контролировала дороги, ведущие в Анатолию и Месопотамию. Границы были хорошо укреплены как с византийской, так и с персидской стороны, и обоих противников поддерживали

энергичные арабы: в VI веке гассаниды стояли за Византию, а лахмиды за Персию. Обычно войны заканчивались практически безрезультатно, хотя в 540 году персы смогли захватить Антиохию. В начале VII века персы вновь стали проявлять враждебность. Хосров, заметив внутренние конфликты в империи, почувствовал, что наступил подходящий момент для того, чтобы нанести решающий удар. Пока император Фока противостоял мятежу Ираклия, византийские армии оказывали упорное сопротивление на востоке, что свидетельствовало о прочности военных структур. Тем не менее, когда Ираклий сверг Фоку в 610 году, новый император оказался неспособным сдержать натиск персов, которые за несколько лет овладели Сирией, Палестиной и Египтом. Потеря Иерусалима в 614 году была наиболее болезненной, так как население было вырезано, а Истинный Крест увезен в Ктесифон. Персы продвинулись до самого Константинополя, грабя и поджигая города Малой Азии.

Ираклий, не отчаиваясь из-за потери наиболее богатых провинций, вновь сформировал армию. Средства появились благодаря церкви: ее сокровища были расплавлены с одобрения патриарха Сергия во имя спасения христиан. В 626 году император осмелился покинуть столицу, осажденную аvaraми и персами, но охраняемую сильным гарнизоном и иконой Богородицы — признанной покровительницы Константинополя

(патриарх Сергий обошел с ней стены осажденного города). Осаждавшие были отброшены, и Ираклий с помощью хазар, тюркского народа, жившего на северном Кавказе, смог пройти в глубь Месопотамии, опрокинуть персидскую армию и спровоцировать дворцовый переворот в Ктесифоне, избавивший его от Хосрова. Император стал арбитром в деле наследования персидского престола и смог начать переговоры об отступлении персидских армий, которые оккупировали восток. Это был полный триумф, хотя Ираклий и не уничтожил военные силы противника. В течение нескольких лет в Византии преобладали чувства эйфории и оптимизма: в марте 630 года император торжественно отправился в Иерусалим возвратить городу Истинный Крест. Он наказал иудеев, которые пошли на сотрудничество с врагом во время падения Иерусалима. Он надеялся восстановить единство христиан, пойдя на переговоры с сирийскими монофизитами и персидскими несторианами; пошел слух, что персидский шах тоже собирается креститься.

Император хотел сблизиться с монофизитами. Не отказываясь от тезиса о двойственной природе Христа, он настаивал на его одной воле в «*Экфесисе*», декрете о вере, опубликованном в 638 году. Этот декрет не только спровоцировал ересь монофелизма, но и вызвал недовольство как монофизитов, так и сторонников Халкидонского собора, и особенно — римской церкви.

Преемник Ираклия Константин II столкнулся с непримиримостью Максима Исповедника, палестинского монаха, нашедшего понимание на западе; Максим побудил папу Мартина осудить эту доктрину на Латеранском соборе 649 года. Он горячо упрекал императора в желании определять догматы, что было прерогативой церкви, осуществляемой на вселенских соборах. Кризис разрешился только на соборе 680—681 годов, который проходил в Константинополе и возглавлялся Константином IV. Собор с легкостью осудил монофелизм, поскольку больше не было необходимости сохранять приемлемые отношения с монофизитами, попавшими под власть арабов.

4. Арабо-мусульманское нашествие. — Едва администрация и армия были частично восстановлены в восточных провинциях, как начались первые арабские набеги. Арабы, недавно объединившиеся под знаменем религии, проповедуемой пророком Мухаммадом, новизну которой не уловили византийцы, захватили Палестину и одерживали там победы, открывшие им дорогу на Дамаск. Так как локальные войска при их небольшой численности не могли дать адекватный отпор, Ираклий собрал единую имперскую армию, которая была практически полностью уничтожена в августе 636 года в битве при Ярмуке (притоке Иордана). Император больше не располагал никакими резервами, чтобы попол-

нить поредевшие ряды и, так как он не хотел потерять остатки своей армии в бесполезных сражениях, он отвел войска к Анатолии. После коротких осад и переговоров между победителями и горожанами, которые не могли отныне рассчитывать на помощь империи, один за другим пали такие города, как Дамаск, Иерусалим, Антиохия и Кесария в Палестине.

Больше ничто не мешало арабам завоевать Египет, что и произошло в 641 году, несмотря на сопротивление маленькой византийской армии, которая его защищала. Та же участь не могла не постигнуть Александрию, вся власть в которой (исключительный случай!) была сосредоточена в руках патриарха Кира. Дело жизни Ираклия было теперь погублено, но, тем не менее, этот правитель остался в пантеоне византийцев как один из самых великих императоров, наряду с Константином, Юстинианом и Василием II. Со времен Феодосия он был первым императором, который лично командовал армией на полях сражений. Он ввел греческий титул *basileus* (император), что стало символом перемен, свидетельствовавших о специфически греческом характере, который принимала центральная власть.

Арабы, которые в это время расправлялись с персидским царством, двинулись в Месопотамию, а потом в Армению. Армянский царь решил заключить с ними договор, согласно которому он не платил арабам дань, но по-

ставлял им вспомогательные войска при условии не использовать их против Византии. Арабы, используя брошенные византийцами арсеналы, отправились в поход на острова, Кипр и Родос, и разбили императорский флот в 655 году.

Византийцы были спасены благодаря междоусобной войне между халифом Али и наместником завоеванной Сирии Моавией. Эта война завершилась размежеванием шиитов и суннитов и на многие годы приостановила натиск завоевателей. Когда Моавия стал халифом, он приготовился к решительной атаке против Константинополя. Собрав большой флот и не встретив по пути значительного сопротивления, он пересек Малую Азию и в течение четырех лет (674—678) блокировал византийскую столицу. Молодому Константину IV удалось уничтожить часть вражеских кораблей с помощью нового оружия, греческого огня, завезенного в Константинополь сирийским инженером Каллиником; другую часть кораблей разметала буря.

Спасение Константинополя, остановившее натиск арабов, произвело большое впечатление, особенно на Балканах: местные правители прибыли поздравить императора. Эта победа вернула доверие к византийцам, тем более что Моавия даже согласился выплатить дань. Возвращение византийцев на Восток, казалось, было не за горами. Когда в омейядском халифате

вспыхнули серьезные волнения после смерти Моавии, Юстиниан II, сын Константина IV, почувствовал, что наступил благоприятный момент. Пополнив свою армию славянским контингентом, Юстиниан II отправился в Армению, дабы вернуть ее под власть Византийской империи, но в 692 году его армия была жестоко разбита.

Это поражение дало арабам значительное превосходство. У них уже была база в Африке, в Кайруане, причем они сумели даже обратить в ислам и сделать своими союзниками некоторые берберские племена. Они захватили остальную часть провинции, хотя и столкнулись с трудностями из-за сопротивления других берберов, которые все же были побеждены. Наконец, в 698 году, несмотря на императорский флот, посланный на помощь, Карфаген окончательно перешел под власть мусульман. На востоке Византия потеряла Киликию, которая долго переходила из рук в руки, и Армению, которая управлялась теперь арабским наместником. На многие века граница установилась по безлюдным горам Тавра. Арабы не раз пытались закрепить на каппадокийском плато, но их всегда выбивали оттуда.

Новый набег на Константинополь, казалось, принесет им полную победу: императорская власть колебалась под тяжестью внутренних раздоров. Изгнанный Юстиниан II вернулся к власти в 705 году, но в 711 году он был опять

свергнут и убит вместе со всей своей семьей. Так закончилась ираклейская династия. В течение нескольких лет Византия была погружена в атмосферу заговоров и переворотов; на троне то и дело сменялись императоры. Мусульмане собрались в новый поход, рассчитывая на бунт Льва Исавра, стратига фемы Анатолик, который задержал анатолийцев у Константинополя весной 717 года перед приходом врага. В течение года (717—718) грандиозный флот вновь осадил город, но очень суровая зима, набеги болгар в тылу и частичное уничтожение флота заставили осаждавших отступить.

Эта последняя неудача имела большие последствия: мусульмане должны были смириться с существованием христианской империи, тогда как раньше они надеялись объединить Персию и Византию, продемонстрировав тем самым превосходство своей веры. Они больше не пытались занять место Византии; до 700 года они развивали собственные институты, арабизируя управление и распространяя собственную монету — динар, который стал соперничать с *nomisma*. Второе поражение перед неприступными стенами Нового Рима заставило их обратить свое внимание на Восток: эти изменения окончательно закрепились при Аббасидах, которые перенесли центр власти из Дамаска в Ирак, где немногим позже был основан Багдад. Это означало отказ от захвата христианской столицы.

IV. — Ответ на мусульманский вызов

1. Брожение умов. — Необычайная быстрота, с которой развивался халифат, всегда удивляла современных историков, но этим вопросом задавались и современники. Мусульмане считали, что ряд триумфов свидетельствовал о поддержке Аллаха и истинности учения Мухаммада. Это объяснение не могло быть принято христианами, кроме тех, которые перешли в ислам, но таких было немного. Для христиан могла быть только одна причина успехов арабов: Господь наказывал свой народ за его грехи. С этого пункта мнения расходились: яковиты и копты считали, что Бог карал императоров за то, что те их преследовали; приверженцы официальной церкви верили, что восточные провинции стали жертвами нашествий потому, что были населены еретиками.

Современные ученые иногда рассматривают те объяснения, которые выдвигаются в древних текстах. Действительно, арабы не могли похвастаться ни необыкновенным оружием, ни эффектом неожиданности, ведь именно они защищали границу от своих братьев по Аравийскому полуострову — как с византийской, так и с персидской стороны. Их единственное преимущество состояло в географическом положении, которое позволяло им посылать подкрепление на любой участок фронта. Ученые также выдвинули гипотезу, согласно которой Аравийский полуостров

не пострадал от повторявшихся эпидемий чумы, что давало арабам превосходство в численности армии; однако доказательств этой теории не существует. Пытались также найти объяснение в религиозных конфликтах, которые, естественно, ослабляли сопротивление византийцев: местное население доброжелательно принимало арабов. Кроме того, в Сирии и Египте развивался местный сепаратизм, и греческий язык уступал место сирийскому и коптскому, что предвещало их отход от империи. Бесспорно, часть монофизитской иерархии поначалу приветствовала вновь прибывших, которые, в отличие от прежней администрации, не имели причин покровительствовать официальной церкви (ее приверженцы назывались теперь мелькитами). Более того, арабы иногда разрешали монофизитам восстановить ранее отобранные церкви (так было в Эдессе).

В то же время нет оснований утверждать, что еще до завоевания лояльность к Константинополю на востоке утрачивалась. Принадлежность к монофизитам не обязательно влекла за собой приверженность новому режиму. Часть гассанидов — монофизиты, разбитые вместе с византийцами в битве при Ярмуке, — предпочли уйти в глубь Каппадокии, но не присоединяться к победителям. Арабы сумели использовать исторический шанс, который им дала византийско-персидская война, значительно ослабившая оба царства и освободившая арабов от внимания

обеих воюющих сторон. До этого времени обе державы старались не допустить объединения арабских племен.

2. Финансовые и военные реформы. — Финансы империи неизбежно должны были испытать последствия поражений на Востоке, так как большая часть налоговых сборов, а также, несомненно, запасов металла для чеканки монет была потеряна. Нужды армии не могли игнорироваться: на кону стояло выживание империи. Необходимо было адаптироваться к создавшейся ситуации и найти выход. Набор наемников, требовавших регулярной платы наличными, был практически прекращен. *Magister militum* получил от Ираклия приказ об отступлении армии с Востока, а несколькими годами позже войска, стоявшие в Армении, также были выведены в Малую Азию. Солдаты из элитных столичных подразделений были рассеяны по провинциальным гарнизонам, в основном в Вифинии. Воины изредка получали жалованье золотом (вероятно, раз в четыре года), но они сами собирали налоги с крестьян — естественно, натурой. Необходимо было приблизить сборщиков налогов к налогоплательщикам, так как транспортировка пшеницы и других зерновых иначе, чем морем, обходилась дорого. В связи с этим солдат разбросали по всей территории Анатолии, что в военном смысле было, конечно, неудобством, так как мобилизация войск про-

тив мощных арабских набегов в этом случае проходила медленнее.

Когда требовалось пополнить армию новыми воинами, набор солдат — часто это были сыновья ветеранов, поскольку военная служба сделалась наследственной — производился в рамках новых округов. Эти округа были названы фемами и получили имена районов, где стояли данные части: фема Анатолика (Восток), фема Армениак (Армения), фема Опсикий (*obsequium*, гвардия)... Старых *magistri militum* заменили стратеги, которым была дарована вся полнота военной и гражданской власти в фемах, дабы они могли лучше реагировать на опасность. Постепенно вся гражданская администрация стала строиться по образцу фем, которые были поделены на более мелкие единицы при Константине V: стратеги имели слишком большую власть, что было чревато мятежами. В течение VIII—IX веков старые римские провинции исчезли. Новые фемы создавались по мере необходимости. Например, когда арабская угроза стала явной, как на Сицилии, или когда империя преобразовывала завоеванные области, как Пелопоннес, а затем Элладу (центральную Грецию). Флот был перестроен по тому же принципу: за фемой матросов-каравасиев последовали морские фемы, главной из которых была фема кивиреотов с центром в Атталии, на юго-западе Малой Азии.

Благодаря этой экономической системе империи удавалось содержать не просто крестьян-

ское ополчение, но большие контингенты обученных солдат, даже если они были не такие многочисленные, как у врага. На протяжении веков выявились две тенденции. С одной стороны, солдаты *themata* постепенно укоренялись в своих районах: небольшое жалованье, которое они получали, позволяло приобрести землю или жениться на дочерях местной знати, с которой они сливались. С другой стороны, с тех пор, как экономическое оживление в близких к столице провинциях позволило возрасти денежным оборотам, Константин V и его преемники смогли постепенно возобновить уплату налогов наличными и сформировать армию наемников *tagmata*, которые были всегда в их распоряжении и безгранично им преданы.

В 718 году империя была совсем не такой, как двумя веками раньше. Несомненно, некоторые установления все еще держались, несмотря на временные кризисы: императорская власть была укреплена недавними победами, репутация *potisma* оставалась безупречной, компетентные чиновники сохранили твердую администрацию, хотя она и была ограничена в древней префектуре Востока. Что же касается остального, то контраст с прошлым очевиден. Империя гораздо больше зависит от Малой Азии. Если не считать Италию, в ней говорят почти исключительно по-гречески. В глазах арабов империя выглядит как сильно милитаризованная по преимуществу сельская страна с ослабев-

шими торговыми связями. После потери Александрии и Антиохии и изоляции Фессалоник в империи остается один крупнейший город — Константинополь. Кроме того, в нем проживает лишь малая часть населения: может быть, одна пятая часть от того количества, что было в эпоху расцвета. В то же время Константинополь сохраняет облик имперской столицы, и дворцы знати, построенные тремя веками раньше, отнюдь не пустуют. Сенаторы уже не являются богатейшим общественным классом (Юстиниан конфисковал богатства, которые считал чрезмерными); они стали просто группой высших должностных лиц, не играющих политической роли, в отличие от армии. Бесспорно, что с эпохи Юстиниана социальная мобильность растет, и катастрофические события следующих столетий открывают богатые возможности для авантюристов и иностранцев разных мастей. В религиозном плане империя становится более однородной, так как монофизиты переходят под власть халифов. Население империи, в том числе и император, испытывают неуверенность в будущем и более, чем когда-либо, уповают на Бога и заступничество святых, на святые мощи и иконы.

ГЛАВА III

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ (718—1057)

Избежав уничтожения благодаря мощным стенам столицы и упорному сопротивлению защитников и населения города, Византийская империя сохраняет достаточно сил для того, чтобы давать отпор мусульманским набегам. Вера в покровительство Бога постепенно усиливается, тогда как материальные условия медленно, но верно улучшаются. В результате этого в X веке императорские армии захватывают инициативу на Востоке, затем на Западе, а потом, в середине следующего века, переносят границы на Дунай и дальше за Евфрат.

I. — От Исаврийской к Аморийской династии

1. Иконоборчество. — Победа 718 года укрепила власть узурпатора Льва III Исавра, но ситуация оставалась сложной, так как арабы продолжали продвигаться в глубь Анатолии и в 727 году чуть не овладели Никеей, столицей Опсикия — азиатской фемы, прикрывающей

столицу. Землетрясение на Санторине, за которым последовало разрушительное цунами, привело к убеждению, что божественный гнев продолжает изливаться на христианскую империю. При этом все ереси были истреблены еще в то время, когда императоры отказались от монофелизма. Свято веря в справедливость Бога, император все чаще задавался вопросом о том, что же в религиозной практике византийцев могло вызвать его гнев.

Почитание икон уже давно вызывало неприятие части духовенства, ссылавшейся на библейский запрет изображать Бога. В то же время поклонение иконам получило негласное одобрение церкви, поскольку считалось, что именно Богородица защищала город, когда в критические для Константинополя моменты устраивались процессии с иконами Пресвятой Девы. Тем не менее, Лев III, который, как и все его современники, был глубоко религиозным человеком, заметил, что этот культ принимает крайние формы: пыль на иконах считалась исцеляющей, а иконы святых выбирались в качестве «крестных отцов» детей. Искореня крайности иконопочитания, граничащие с идолопоклонничеством, император надеялся умиротворить гнев Господа. В 730 году во время торжественного собрания во дворце император официально осудил этот культ, положив начало процессу, который сегодня называют иконоборчеством.

История первого периода иконоборчества (буквально — разбивания икон, то есть всех изображений Христа, Богоматери и святых, выполненных с помощью любых материалов) остается плохо изученной, так как при ее исследовании основываться можно только на полемических писаниях сторонников культа икон (иконопочитателей): они уничтожили все тексты, содержащие точку зрения исаврийских императоров-иконоборцев. Первая реакция на декрет Льва III была умеренной. Патриарх Герман сложил с себя сан и мирно удалился в монастырь, папа Григорий II протестовал, так как отношение к иконам на Западе отличалось от того, каким оно было на Востоке. На Западе изображения Бога и святых выступали в качестве простой иллюстрации к Библии, призванной просвещать верующих, в массе своей неграмотных. Папство было еще более задето, когда Лев III отнял у римской церкви Иллирию вместе с Фессалониками и присоединил ее к константинопольскому патриархату, тем самым совместив религиозные и политические границы. Незадолго до своей смерти в 740 году Лев III вместе со своим сыном Константином V одержал блестящую победу при Акроиноне над значительными арабскими силами. Этот триумф укрепил положение Византии, тем более что еще одним результатом этой победы стала междоусобная война Омейядов и Аббасидов.

Иконоборчество приняло воинствующий характер лишь при Константине V, сильном теологе, который лично осудил культ Пресвятой Девы и почитание мощей, а также начал преследование монахов, приверженных иконопочитанию. Желая подчеркнуть правильность своего решения, император ссылаясь на собственные победы, одержанные над болгарами и арабами. С тех пор изменения в отношении к иконам были тесно связаны с внешней политикой империи: победы императорских армий означали, что Бог поддерживает Византию. В 754 году на соборе во дворце Иерии недалеко от Константинополя большинство византийских епископов поддержали позицию Константина V. Однако папский Рим отверг решения собора.

Иконопочитатели яростно обрушились на исаврийских императоров. Льва III обвиняли в том, что он следует доктрине иудеев и мусульман, которые были традиционными противниками изображения божественного. Константина V обвиняли в осквернении купели в то время как его крестили, в результате чего он получил прозвище Копроним, а его военные успехи считали спорными. Религиозное противостояние мало отличалось от политического мятежа и закончилось казнью некоторых противников (хотя говорить о массовых гонениях было бы преувеличением). Самой известной жертвой стал Стефан Новый, растерзанный константинопольской толпой и солдатами в 765 году.

В 787 году императрица Ирина, невестка Константина V и регентша, созвала собор, который состоялся в Никее, а не в столице из-за протестов солдат, верных своему прежнему императору Константину V. Впервые решения 754 года были осуждены, а иконопочитание стало официальной доктриной церкви, чему способствовали произведения Иоанна Дамаскина. Живя в принадлежащем мусульманам Иерусалиме, этот богослов имел возможность опровергнуть обвинения иконоборцев. Поворот к иконопочитанию произошел прежде всего потому, что Ирина стремилась избежать зависимости от преданных Константину V сановников. Для этого она заручилась поддержкой монастырской партии в Вифинии, состоящей из старой константинопольской аристократии, которая избегала столицы и, подобно хронисту Феофану Исповеднику, превратила гору Олимп в Святую Гору.

После 787 года императоры потерпели ряд военных поражений. Гарун аль-Рашид, пока еще наследник багдадского престола, отправился в поход, дошел до Малагины в Вифинии и сжег императорские конюшни. Никифору I пришлось уплатить Гаруну аль-Рашиду, к тому времени ставшему халифом, унижительный выкуп за себя и своего сына. Болгары нанесли поражение Константину VI, затем в 811 году разбили Никифора I, который погиб на поле боя, а в 813 году болгарский хан Крум осадил Константинополь. Эти поражения побудили армию воз-

вести на престол стратига Анатолии Льва V Армянина, который был призван покончить с поражениями Византии и освободить столицу. Исполнив эту миссию, Лев V принял на синоде 815 года решение вновь придать законную силу постановлениям собора в Иерии, несмотря на сопротивление патриарха Никифора, которого поддерживала партия митрополитов, и противодействие Феодора Студита, игумена самого знаменитого монастыря Константинополя, происходившего из знатной константинопольской семьи.

Последним императором, поддержавшим иконоборчество, был Феофил, который всячески пытался подражать своему предшественнику Константину V. Однако его походы против мусульман окончились ужасным поражением: в 838 году арабы взяли Аморий, колыбель династии и тогдашнюю столицу фемы Анатолии. И вновь женщина, на этот раз Феодора, вдова Феофила, быстро и решительно положила конец второму периоду иконоборчества: позиции обоих лагерей стали ближе. Иконопочитание было окончательно восстановлено 11 марта 843 года, в первое воскресенье Великого поста, ставшее в восточной традиции днем «Торжества Православия».

Вопрос о значении иконоборчества ставился многократно. В нем видели желание императоров заручиться расположением малоазийского населения, которое традиционно не почитало иконы, но представляло собой главный оплот Византии в борьбе с мусульманами, в то время

как на Балканах и в Италии сложилась благоприятная для иконопочитателей обстановка. Однако интересным фактом является то, что сторонники культа икон нашли прибежище в Малой Азии, в то время как на Западе, например, в Неаполе, обнаруживаются следы иконоборчества. Теория, согласно которой распространение иконоборчества объясняется поддержкой императоров, имеет некоторое преимущество. Армия, сформированная Константином V, естественно, следовала за своим императором и в религиозных предпочтениях. Вероятно, следует учитывать противостояние солдат (чаще всего выходцев из провинций, даже если их гарнизон находился в Константинополе), которые стали по преимуществу иконоборцами, и столичной аристократии, больше расположенной к иконопочитанию. Возможно также, что в связи с характером дошедших до нас источников мы склонны преувеличивать значение этого раскола, а на самом деле он волновал лишь аристократию, поскольку у большинства населения были другие приоритеты: прежде всего безопасность. В итоге победа иконопочитателей кладет конец стремлению императоров вмешиваться в определение церковных догматов; торжествует точка зрения Феодора Студита, настроенного против императорского вмешательства в дела церкви.

2. Арабский фронт. — Арабы угрожали Византии как на востоке, так и на западе. С тех пор,

как они укрепились в Африке, начались набеги на Сицилию. В 827 году мусульмане высадились там и, взяв в 831 году город Палермо, сделали его столицей эмирата. Через несколько десятилетий весь остров оказался в их руках, а греческое население бежало в восточную часть острова. В результате этого Византия потеряла важный источник доходов. Со своей новой базы арабы совершали рейды на Калабрию и Апулию. В Таренте и Бари были основаны эмираты. В те же времена шайкой андалузских арабов, в течение двух веков промышлявших пиратством в Эгейском море, был завоеван Крит.

На суше византийцы смогли выправить ситуацию после жестокого поражения Феофила в 838 году, а в 863 году они достигли настоящего успеха, разгромив войска Мелитинского эмирата.

3. Воссоздание Западной империи. — В Италии византийцы регулярно отступали перед натиском лангобардов, которые, наконец, в 751 году захватили Равенну. Константин V пытался воспользоваться восстанием Аббасидов на Востоке и не рискнул разделить свои войска, когда папа Стефан II, опасавшийся попасть под власть лангобардского короля, попросил его о помощи. С согласия императора папа обратился к франкам, которые неоднократно вторгались на полуостров, принадлежащий константинопольскому базилевсу. Пипин Короткий, поло-

живший начало новой династии, легко согласился: он прогонит лангобардов и отдаст папе земли, которые раньше в основном принадлежали к экзархату (так начали закладываться основы будущей «папской области»), а в обмен понтифик признает зарождающуюся каролингскую монархию. Эти изменения определили судьбу эллинизма в Риме, где уже с IX века греческий ученый сделался редкостью, как, например, Анастасий Библиотекарь. Византийское присутствие сокращалось в провинциях Южной Италии и на Сицилии.

На Рождество 800 года Карл Великий был коронован в Риме императорской короной — под предлогом, что константинопольский престол, который в то время занимала женщина, императрица Ирина, был свободен. Византийцы привыкли к идее множественности императоров, хотя и отвергли естественные притязания Каролингов на Италию, которая раньше была частью древней Западной Римской Империи. После нескольких стычек за контроль над Далмацией и Венецией, которая уже заменила Равенну в качестве главного порта, связывающего Запад с Востоком, византийские послы в Аахене приветствовали Карла Великого как базилевса. Тем не менее титул «римский император» продолжал употребляться только по отношению к византийским правителям, по указу которых эта формула стала чеканиться на монетах.

4. Миссионерство и соперничество патриарха и римского папы. — После потрясений, сопутствовавших мощным нашествиям, положение в центральной Европе начало стабилизироваться, и многие правители, надеясь укрепить и узаконить собственное положение, стали стремиться привести свои народы в сообщество христианских наций. Византийцы проявили меньше миссионерского рвения, нежели Каролинги, которые решительно обратили саксонцев. Исключением стали лишь Балканы, где византийцы очень незаметно и постепенно восстановили ряд епархий, исчезнувших в результате славянского наступления. В то же время по просьбе правителя Великоморавской державы, который находил каролингскую опеку чересчур тяжелой, Византия послала в Моравию двух братьев, Кирилла и Мефодия. Хотя моравская церковь в итоге примкнула к римской, а Мефодий закончил свои дни в сане римского архиепископа, дело двух братьев дало свои плоды. Кирилл, великий филолог, разработал глаголический алфавит, позволивший писать на языках, на которых говорили славяне; он перевел на старославянский язык Библию и различные произведения греческих отцов церкви.

Болгарский царь Борис крестился в 864 году; его восприемником стал император Михаил III, поэтому при крещении Борис взял имя Михаила. Стремясь создать церковь, независимую от патриархата, который в его глазах был чересчур

тесно связан с императорской властью, Борис обратился к папе, который также отказал болгарской церкви в автономии. Ходатайства Бориса, обращенные к папе Николаю I, раздражали патриарха Фотия, который конфликтовал с Римом. Действительно, папа благосклонно прислушивался к сторонникам патриарха Игнатия, которого сместил Фотий в результате дворцовых интриг, и предал последнего анафеме. Фотий ответил наступлением на новый догмат, который папство на тот момент еще не успело принять: Исхождение Святого Духа от Отца и Сына (*filioque*), в то время как по традиции считалось, что Святой Дух исходит только от Отца через Сына. В 867 году Фотий добился от константинопольского собора отлучения папы от церкви. После долгих перипетий схизма завершилась примирением Фотия и папства, которое нуждалось в помощи империи против арабских набегов, поскольку Каролинги больше не были способны сдерживать натиск мусульман. Примирение состоялось на условиях равенства двух престолов и признания особых обрядов каждой церкви.

II. — Первый век царствования Македонской династии

1. Устойчивость власти. — Василий I, пришедший к власти ценой убийства своего предшественника и благодетеля Михаила III, осно-

вал самую блестящую византийскую династию, которую ошибочно называют Македонской: на самом деле Василий был армянского происхождения. Продолжительность правления этой династии уже сама по себе свидетельствует о стремлении к усилению законности. Македонская династия уцелела, несмотря на «спор о четвертом браке» Льва VI, который рискнул бросить вызов церкви, женившись в четвертый раз, чтобы узаконить своего маленького сына Константина VII. Теперь отец называл сына не иначе как «Порфирородным»: Константин родился в порфировом зале Большого Дворца в то время, когда его отец занимал престол. Македонская династия не была свергнута, несмотря на долгие периоды регентства и ряд соправителей — выходцев из армии и флота, какими были Роман Лакапин, Никифор Фока и Иоанн Цимисхий. Конец династии положило просто отсутствие наследника.

2. Начало экономического подъема. — Чума 747—748 годов стала последней в ряду серьезных эпидемий, что благоприятно отразилось на демографической ситуации, которой пошло на пользу и постепенное прекращение крупных мусульманских нашествий. Строительство, которое в столице практически прекратилось, за исключением необходимого и дорогостоящего восстановления крепостных стен, возобновляется в скромных размерах при Константине V, а

затем нарастает в последующие столетия. Большой Дворец постепенно достраивается: возводятся Триконх и дворец Кариан. Василий I перестраивает множество церквей и возводит церковь Неа в Большом Дворце: в ней были собраны главные ветхозаветные реликвии, в то время как реликвии, имеющие отношение к Новому Завету, хранились в церкви Фароса, построенной по приказу Михаила III. На территории провинций западная Малая Азия и Каппадокия, где текстуальные источники и сохранившиеся надписи свидетельствуют о резком возобновлении строительства по инициативе местной аристократии, опережают Балканы, хотя там действует та же тенденция. В конце X века появляются первые монашеские сооружения на Афоне, который становится главным монастырским центром империи (раньше таковым считался Олимп в Вифинии). Святой Афанасий при поддержке своего друга Никифора Фоки, ставшего императором, основал Лавру, а несколькими годами позже иверские (грузинские) аристократы строят Ивирон, так что на Святой Горе быстро возникают десятки монастырей и уединенных келий, причем эта территория отводится исключительно монахам. Здесь запрещено появляться евнухам, детям и женщинам. Этот закон действует и в наши дни.

Императорский двор блистал великолепием во время общественных церемоний, когда жители Месе, главной улицы столицы, заканчивав-

шейся около Большого Дворца и собора Святой Софии, украшали шелковыми тканями свои дома и лавки. Пурпурные шелка, которые позволялось носить только императору, изготавливались в дворцовых мастерских и не продавались, в отличие от цветного шелка. В текстильной промышленности было занято много людей различных профессий, обязанности которых были точно определены. Шелк-сырец производился в империи, но его также импортировали из Сирии, как и в протовизантийскую эпоху. Император Лев VI при участии префекта города издал постановление, известное под названием *«Книга эпарха»*, в котором регламентировались отношения между государством и представителями различных профессий — от ювелиров, производителей шелка и банкиров до более скромных, но неотделимых от повседневной жизни горожан, например, булочников. Императоры следили за тем, чтобы цена на зерно оставалась доступной и стабильной, по крайней мере, в Константинополе; поэтому в эпоху правления Македонской династии на одну золотую монету (месячный заработок квалифицированного рабочего) можно было купить около 150 кг пшеницы. Запасы хранились в общественных амбарах, которые император открывал в случае голода.

Вопреки некоторым утверждениям, средневековая византийская экономика держалась на свободном рынке. Несмотря на то, что государство определяло цены на некоторые особо важ-

ные товары, налоговая администрация взимала сбор с каждой заключенной сделки (он обычно соответствовал 10% стоимости товаров), а должностные лица в дополнение к жалованью наличными получали продукцию общественных земель в форме зернового сбора. Префект, чьей обязанностью было следить за безопасностью, наблюдал за иностранными купцами, русскими, болгарскими, сирийскими, которые имели право лишь на ограниченный срок пребывания в столице.

3. Социальный кризис? — Императоры Македонской династии, великие законодатели, начиная с Василия I и Льва VI, решили обновить законы и составили последний большой византийский кодекс, *«Василики»*. При этом они пришли к необходимости обнародовать ряд новелл (законов) в пользу мелких землевладельцев. Крупные владения всегда существовали в Византии, но их соотношение с мелкой собственностью менялось с течением времени, хотя отсутствие документации не позволяет нам четко проследить эти изменения. Тем не менее, можно предположить, что нашествия, создающие трудности в управлении имениями, которые часто были отдалены от резиденций землевладельцев, способствовали росту мелких собственников. Напротив, в X веке крупная собственность складывалась и развивалась у монастырей и обладателей больших должностей, то есть тех, кого но-

яйлы называли «могущественными», в противоположность «бедным». Последний термин не должен восприниматься в сугубо экономическом смысле. Речь идет скорее о социальной стороне вопроса: «бедный» не имел влиятельного покровителя, ходатая перед императором.

Процесс превращения мелких землевладельцев в париков (зависимых крестьян; ударение на первом слоге) нарастал, особенно в 928 году, когда за необычайно суровой зимой последовал голод. Бедствие понуждало крестьян продавать «могущественным» владельцам свои наделы по низким ценам — последним удалось сохранить свои финансовые резервы. Почти в течение века императоры безрезультатно увеличивали число новелл в пользу «бедных», а Никифор Фока даже запретил монастырям присваивать их собственность. Поскольку византийские императоры никогда не были особенно озабочены социальными вопросами, откуда вдруг эта настойчивость? С одной стороны, до X века земельный налог, самый главный в Византии, взимался с сельских общин, составленных из свободных крестьян. С другой стороны, солдаты фем принадлежали к категории средних землевладельцев, исчезновение которых грозило сорвать пополнение армии новыми солдатами.

Можно ли утверждать, что несовершенство законов повлекло за собой обострение положения крестьянства? В принципе парик, который сверх земельного налога вносил еще и аренд-

ную плату, значительно увеличивал налоговые сборы. В то же время он имел защиту от налоговых злоупотреблений и в случае необходимости мог воспользоваться инвестиционными возможностями хозяина. Крупное землевладение, без сомнения, благоприятствовало разведению скота, особенно в Малой Азии. Точно так же оно содействовало инвестициям, особенно во Фракии и Вифинии, то есть недалеко от Константинополя, где располагались резиденции самых богатых собственников империи. Производство обеспечивалось семейной эксплуатацией: сельское рабство исчезло, а наемный труд был мало распространен. Агротехника почти не изменилась, так как соха была лучше приспособлена к легкой почве средиземноморских равнин, чем тяжелый плуг, хотя на более жирных землях долины Меандра использовались буйволы. Плодородие почвы увеличивалось за счет постоянных, хотя и скромных усовершенствований — ирригации, строительства мельниц, селекции семян. Современные историки считают, что урожайность зерна в Византии чаще приближалась к соотношению 1:5, чем 1:3, как думали раньше. На самых плодородных землях это соотношение достигало 1:7. Следует подчеркнуть, что, когда речь идет о такой обширной империи, как Византия, средние цифры не играют роли. Крестьяне, как и многие жители городов, начиная с Константинополя, окруженного поясом огородов, разводили сады,

которые обеспечивали их значительной долей ежедневной пищи.

Наконец, добавим, что в эпоху Средневековья климатические условия были довольно благоприятны. Случаи голода, хотя и бывали, но в целом оставались малочисленными, и с этой точки зрения XII век представляется довольно благополучным. Парик был свободным человеком, который мог покинуть свой надел, если находил себе более подходящий. Таким образом, социального регресса не наблюдалось, что делает понятным зафиксированный в документах факт: крестьяне обдуманно избирали статус парика.

После царствования Василия II, который был последним императором, принимавшим энергичные меры против злоупотреблений «могущественных», процесс укрупнения земельной собственности продолжался, хотя законодательство Македонской династии оставалось в силе. В XII веке крупное землевладение доминировало. Налоговая система адаптировалась к сложившейся ситуации, и императоры стали более эффективно использовать средства короны и налоговой администрации, которые росли благодаря конфискации имущества многочисленных мятежников, завоеваниям и землям, перешедшим в собственность государства. Правители перестали распродавать их по низким ценам, распределили туда париков и организовали общественные земли в куратории. Эксплуати-

руемые таким образом земли приносили большую часть налоговых сборов. Города Востока, отвоеванные в конце X века и более активные, чем города других провинций империи, внесли свой вклад в рост государственных доходов. Одно время в городе Алеппо даже обосновался византийский чиновник, чтобы взимать налог на сделки, касающиеся предметов роскоши.

4. Новая армия. — Постепенно солдат фемы, или стратиот, который приобретал землю, в X веке был освобожден от уплаты налогов в обмен на военную службу (*strateia*). Но постоянное уменьшение количества мелких землевладельцев влекло за собой ослабление фемной армии. Будущие солдаты всячески стремились уклониться от мобилизации, используя для этого самые разные способы: либо посылая взамен себя другого воина, либо уплачивая денежную компенсацию. Кроме того, стратиоты были, как правило, плохо обучены, за исключением немногих солдат из окружения стратига. Рассказы о военных операциях показывают, что в больших походах против мусульман византийские офицеры больше не рассчитывали на стратиотов, так как крупные кампании требовали их долгого отсутствия. Императоры, например, Никифор Фока, распространили налогообложение на *strateia*, чтобы финансировать набор армии наемников и развивать *tagmata*. Во главе этих профессиональных войск между 963 и 1025 годами

великие императоры-полководцы осуществляли свои военные операции.

Из-за поражения византийского оружия в XI веке историки часто критиковали отход от идеи «национальной» армии, поскольку в войсках было много иноземцев. Однако *tagmata* состояла из большого количества греков, фессалийцев и македонцев. Следует добавить, что понятие «чужестранец» в многонациональной империи было довольно-таки относительным. На самом деле наемники, если, конечно, им регулярно платили, воевали с такой же отвагой, как и стратиоты. Более того, в XI веке императоры могли выбирать лучших специалистов, будь то норманнские тяжело вооруженные конники, конные печенеги, конные арабские лучники или пешие армянские лучники... Иностранные полки часто состояли под командованием офицера той же нации, но высшая власть по-прежнему принадлежала византийскому генеральному штабу. Эти полки существенно отличались от вспомогательных войск, набравшихся только во время военных кампаний и сохранявших собственное командование. Фемные войска окончательно исчезли в XI веке, так как новая организация армии была более эффективной.

5. Акритская война и первые успехи. — На восточном фронте, который все еще имел первостепенную важность, византийцы сталкивались

в основном с войсками эмиров Мелитины и Тарса, а иногда — с павликианами, еретиками-дуалистами (они считали, что сосуществуют два мира: один, хороший, создан Богом; второй, земной и, следовательно, плохой мир, создан дьяволом), которые избежали императорских преследований. Набеги совершались почти каждый год, но в ограниченном масштабе. Новым здесь было то, что стратиги пограничных фем не только давали отпор врагу, но и сами перебирались через горы Тавра и захватывали Киликию или Верхнюю Месопотамию. Многие армяне присоединялись к борьбе против неверных: их страна была освобождена от арабского ига с помощью Византии. Население привыкло к этому типу войны в ограниченном масштабе — акритской (пограничной) войне. Когда становилось известно о набеге, деревенские жители, предупрежденные караулом, укрывались вместе со своим скотом в труднодоступных местах — в горах, крепостях или подземельях, как в Каппадокии. Ущерб был не очень велик, а пленных более или менее регулярно обменивали.

Эта военная мобилизация создала особое общество, в котором солдаты были лично преданы своим командирам, обогащавшим их за счет военной добычи. Несколько знатных семей, например, Дуки, Аргире, Склиры, Фоки поставляли армии командный состав. Состояние духа этих воинов, защитников христиан от мусульман, одержимых идеей джихада, не было понято

в Константинополе, который не затронули вражеские нашествия. Зато когда мятежный генерал переходил в мусульманский лагерь, его всегда хорошо принимали и доверяли ему важные задания. Точно так же пересекали границу арабские перебежчики, и среди высших византийских сановников того времени нетрудно найти имена, которые выдают арабское происхождение.

Фемные армии иногда укреплялись силами *tagmata*. Византийцы явно захватили инициативу и в 934 году взяли Мелитину — ключ к дороге на Евфрат. Но они терпели и поражения. В 904 году ренегатом были захвачены Фессалоники, и часть обитателей города была продана в рабство на Крит. Василий I не смог спасти Сиракузы и Сицилию, но отвоевал Бари — город, в течение некоторого времени бывший в руках мусульман.

На Балканах Болгария перешла к сыну Бориса Симеону, который когда-то учился в Константинополе; он вел экспансионистскую политику. Лев VI, действуя в лучших традициях императорской дипломатии, в ответ заключил союз с венграми, языческим народом финно-угорского происхождения, который осел к тому времени в местности к северу от Дуная, но был разбит и вынужден был вести переговоры. При регентстве Константина VII конфликт возобновился по экономическим причинам (речь шла о контроле торговых путей), и Симеон, вновь победивший

в 917 году при Анхиале, на какое-то время захватил Адрианополь. Он продолжил свое наступление в эпоху царствования Романа Лакапина, и в 924 году его армия разбила лагерь под Константинополем. Симеон притязал теперь на титул «царь болгар и императора ромеев». Не имея возможности взять город силой за отсутствием флота, Симеон был вынужден отойти от стен Константинополя. Но перед этим он встретился с Лакапином и заключил договор, согласно которому Византия должна была ежегодно выплачивать дань и признать большинство завоеваний Симеона. После его смерти в 927 году Болгария, ослабленная этим чрезмерным напряжением сил и затронутая дуалистской ересью богомилов, выбрала мир, тем более что Петр, сын Симеона, заключил брак с внучкой Романа Лакапина.

III. — Средневековый расцвет (959—1057)

1. Триумф над исламом. — Во второй половине X века византийскими армиями на Востоке командовал ряд талантливых полководцев, выходцев из анатолийской аристократии. Среди этих знатных семей особенно выделялись Фоки: именно они приведут страну к необыкновенному подъему политической и военной силы Византийской империи, отраженному в книге Густава Шлumberгера «Византийская эпопея». Обстоятельства этому благоприятствовали:

Анатолия, население которой росло, а экономика процветала, поставляла империи наиболее многочисленные войска. На других фронтах обстановка была относительно спокойной, если исключить набеги африканских и сицилийских арабов. Распад аббасидского халифата усиливался, и багдадские мусульмане больше не вторгались в пределы империи: дух джихада угасал везде, кроме пограничных районов. Византийцы начали отвоевывать свои земли; этот процесс пошел бы гораздо быстрее, если бы не блестящее сопротивление эмира Сайфа ад-Даулы из династии Хамданидов, правителя Алеппо и Антиохии, который сумел объединить приверженцев джихада и организовать рейд в глубь византийской территории.

Никифор Фока, провозглашенный главнокомандующим, и его брат Лев после несколько вялой борьбы, наконец, нанесли Хамданиду несколько сокрушительных поражений. Благодаря блестяще проведенной десантной операции, потребовавшей многих десятков тысяч человек (знак возросшей мощи империи), в 961 году Никифору удалось отвоевать Крит, что способствовало большей безопасности Эгейского моря и возобновлению крупной морской торговли. Четырьмя годами позже византийцы взяли Кипр. В 963 году Никифор, ставший соправителем Василия II (963—1025), продолжил наступление на мусульман. Он перешел через горы Тавра, которые веками представляли собой естест-

венную границу, захватил Киликию и северную Сирию, отвоевал патриархат Антиохии и сделал эмират Алеппо вассально зависимым от империи государством. Иоанн Цимисхий, его преемник (969—976), упрочил византийские военные успехи, дав отпор атаке Фатимидов, недавно укрепившихся в Египте, и лично повел свою армию в Сирию, дойдя до Дамаска. В тот момент, предшествующий крестовым походам, взятие Иерусалима казалось вполне возможным. Отвоєванные земли быстро населялись христианами, остававшимися под властью мусульман. Эти христиане, в основном яковиты, в большом числе обосновались в Антиохии и с одобрения императора создали новые епископства и монастыри — центры распространения сирийской культуры.

Последующие императоры вели ограниченные военные операции, которые чаще всего проваливались: Василий II не смог захватить Триполи, а Роман III оказался в глупом положении, будучи разбит Мирдасидами — незначительными эмирами Алеппо, которых он захотел прогнать из их владений. Зато в 1031 году к империи была присоединена Эдесса — крупный город Месопотамии с сирийским и армянским населением. Последняя экспансия на Восток проходила за счет армянских государств. Благодаря поддержке империи в X веке армяне освободились от арабского господства, но раздробленность и соперничество феодаль-

ных государств только усилились. При Василии II Сенакерим, правитель Васпуракана, опасаясь первых турецких нападений, в 1022 году отдал императору свое царство, получив в обмен титулы и обширные имения в Каппадокии. Гагик, правитель Ани, потерял независимость в 1045 году, что вызвало враждебность части армянского населения, а также военной и религиозной элиты. Чтобы смягчить это сопротивление, императоры давали армянским вождям, как, например, Гагику, правителю Ани, и основным представителям знати, титулы и многочисленные имения, обычно в Каппадокии. Эта политика позволяла ослабить сопротивление на местах и умножить население Анатолии, контролируя при этом старую аристократию, которая доставила столько хлопот Василию II.

2. Господство на Балканах. — Византийцы постепенно отвоевывали территории, занятые славянами, создавали там новые фемы и предоставляли им довольно полное самоуправление в обмен на выплату дани и поставку военных контингентов (так, например, византийцы поступили с милингами и эзеритами на Пелопоннесе). Тем не менее, именно отношения с болгарами определяли ситуацию на Балканах. После смерти царя Симеона между империей и Болгарией царил мир, в обмен на который Византия должна была выплачивать незначительную дань. Импе-

ратор Никифор Фока отказался платить эту дань, так как соотношение сил поменялось. Чтобы подчинить болгар, он обратился к киевскому князю Святославу, хотя тот и был язычником. Войску Святослава вопреки всем ожиданиям удалось вторгнуться в глубь Болгарии и овладеть ее столицей Преславом, но затем Святослав отказался покидать страну, которая показалась ему изобильной. Иоанн Цимисхий, преемник Никифора Фоки, выбил русских из Болгарии ценой напряженной борьбы. В 972 году Болгария была в целом покорена, но Цимисхий был вынужден возобновить торговый договор, который позволял русским купцам находиться в столице.

Между тем болгары вернули себе свободу благодаря Самуилу, который изгнал византийцев и создал новое государство, сердце которого было расположено западнее, нежели во времена Симеона, в районе Охриды. В течение долгого времени Самуил противостоял Василию II, который в 986 год начал свое единоличное правление неудачной кампанией против болгар. Впоследствии император и его полководцы вели долгое наступление и в 1018 году захватили всю Болгарию, хотя изначально это завоевание не планировалось: война, скорее, велась по инициативе болгарского царя. Наконец, в 1014 году, Василий одержал решительную победу над армией Самуила, ослепив основную часть пленников. Четырьмя годами позже, в 1018 году, последние члены правящей династии сдались и

были быстро интегрированы в ряды имперской элиты.

Впервые со времен правления Маврикия граница империи прошла по Дунаю. Василий II осмотрительно предоставил болгарской церкви особый статус и старался не менять размер налогов, которые болгары платили во времена независимости. Несмотря на многочисленные восстания в XI веке, византийцы управляли Болгарией до 1186 года. Благодаря этой аннексии империя укрепила свою европейскую часть, служившую противовесом Малой Азии; здесь располагались города Нижнего Дуная, поддерживавшие оживленную торговлю со степными народами. Несомненно, в XI и XII веках именно на Балканах демографическое и экономическое развитие было особенно быстрым. Снова доминируя на большей части далматского побережья и на главном торговом пути Балкан, *via Egnatia*, который связывал Диррахион с Фессалониками и Константинополем, Византия использовала и начинающееся оживление в итальянских городах.

Оборона Балкан была дополнена упрочением византийских позиций в Италии, которой одно время угрожали сицилийские и африканские арабы, а на севере — лангобарды и германские императоры. Действительно, в 962 году Оттон I был коронован в Риме как император, и Италия стала предметом его раздоров с Византией. Оттон II, который все-таки получил руку византийской принцессы, племянницы Иоанна

Цимисхия, безуспешно осаждал укрепленные города, а потом был жестоко разбит африканскими Фатимидами в Калабрии в 982 году. При Василии II Калабрия и Апулия были усмирены и оказались целиком под властью империи. Незадолго до своей смерти в 1025 году Василий II готовился к военному возвращению Сицилии, но все попытки подобного рода, несмотря на некоторые успехи Георгия Маниака несколькими годами позже, окончились ничем.

Несмотря на появление новых опасностей в середине XI века — норманнов в Южной Италии, печенегов-кочевников на дунайской границе, а также на первые вторжения турок в Малую Азию, византийцы считали, что империя отныне имеет безопасные границы по Дунаю и Евфрату. Они уничтожили традиционные буферные государства, Болгарию, кавказские княжества, но, демилитаризовав старые фемы и даже Константинополь, сконцентрировали элитные войска на границах, прежде всего в Антиохии, которая стала главным опорным пунктом Византии на Востоке.

3. Крещение Руси. — Неожиданное появление россов, или русских, народа славянского происхождения, перед стенами Константинополя в 862 году удивило и испугало обитателей столицы. Патриарх Фотий послал миссию, чтобы обратить осаждавших в христианство, надеясь тем самым умерить их свирепость и начать «цивилизованные» дипломатические отноше-

ния. В одном из своих писем Фотий радуется своему успеху. Это первое крещение в конце IX века не оставило по себе следов, и новые верующие, без сомнения, исчезли в то же время, когда на Ладожском озере, на севере Руси, сложилось первое русское государство.

Столица нового государства, пугавшего Константинополь нападениями, расположилась в Киеве. Повторявшиеся набеги русских, спускавшихся по Днепру и державшихся около берегов Черного моря на маленьких, сделанных из единого куска дерева кораблях, вынудили византийцев подписать несколько торговых договоров, устанавливавших определенные правила торговли с Константинополем. Таким образом, русские часто соприкасались с христианскими торговцами — как в Константинополе, так и в Киеве. Некоторые из них перешли в христианство, например, княгиня Ольга, но ее сын Святослав вместе со своей дружиной остался привержен прежним языческим богам. Владимир, внук Ольги, решил креститься и повел переговоры с Василием II в тот момент, когда тот вел борьбу с мятежником Вардой Фокой. Владимир получил руку сестры императора, порфирородной принцессы Анны, что было неслыханной привилегией, сразу поставившей Владимира над всеми остальными правителями. Взамен Владимир послал императору 4000 воинов, которые сформировали Варяжский корпус; впоследствии им была доверена охрана дворца.

Крещение Владимира в 988 году и основание русской церкви с митрополичьей кафедрой в Киеве (причем в первый век существования русской церкви практически все митрополиты были греками), открыло Константинополю широкие возможности экспансии.

4. Могущество аристократии. — Со времен императоров Исаурийской династии новая военная аристократия набирала все большую силу, так как именно она играла главную роль в войнах против арабов. Наиболее известные семьи взяли имена, которые передавались по наследству и свидетельствовали о славе рода, и эта аристократическая привычка постепенно стала всеобщей в XI веке, в том числе и среди гражданских лиц. Стратиги и их подчиненные тоже образовали наследственные группы. Самые высокие посты оставались в руках нескольких семей, если, конечно, они пользовались поддержкой очередного императора. Возвышение семейства Фок последовало за началом правления Македонской династии. Впервые Фоки были замечены Василием, основателем династии. Сын любимца Василия, Никифор Старший, стал одним из главных полководцев Льва VI, сына Василия. Когда Константин VII, сын Льва VI, был принужден править вместе с Романом Лакапином, сыновья Никифора Старшего, Лев и Варда Старший, попали в немилость, которая продолжалась вплоть до единоличного правле-

ния Константина VII. Став единодержавным императором, Константин доверил Варде, произведенному в чин доместика схол, командование основной армией, а каждому из сыновей Варды — Никифору, Льву и Константину — командование восточными фемами: Анатолией, Каппадокией, которая была колыбелью рода, и Селевкийей. Наконец, когда в 963 году Роман II умер, оставив двух несовершеннолетних сыновей, Никифор Фока, в ту пору доместик схол, естественно, сделался соправителем.

В Константинополе древний класс сенаторов был ослаблен, но частично выжил, несмотря на смуты VII и VIII веков; сенаторы заполняли канцелярии столицы и занимали некоторые высшие посты церковной иерархии. Семья патриарха Фотия являет тому замечательный пример: между первым поколением, которое восходит к концу VII века, и последним, современным Василию II, она насчитывает несколько высших должностных лиц, многих патрициев VII и VIII веков (этот титул давал право занимать высшие посты при дворе), одного великого юриста, магистра Козьму и четырех патриархов: Тарасия при Ирине, Фотия при Михаиле III и Василии I, Сисинния и Сергия при Василии II.

Как военная, так и гражданская аристократия стремилась сохранять властные функции в лоне семьи, поскольку каждому поколению приходилось восстанавливать семейное состояние, расстроенное справедливыми разделениями

между всеми детьми, включая и дочерей, согласно действовавшему праву. Браки, объединявшие семьи высокого ранга, также содействовали сохранению престижа, так как жены приносили солидное приданое, но, в конечном счете, быстрее всего можно было обогатиться благодаря императорской милости. Именно император мог предоставить почетную резиденцию в Константинополе, но лишь пожизненно, что ограждало его от разорения. Несомненно, все представители знати, «могущественные», заботились о покупке земель, главным образом в той провинции, откуда они вели свое происхождение; они укоренялись в той или иной местности, как Фоки и их свойственники Малейны в Каппадокии или Дуки в Пафлагонии. К тому же земельная рента оставалась достаточно небольшой по сравнению с теми доходами, которые доставляли высокие должности и звания. Необходимость ходатайствовать перед императором о предоставлении должностей давала правителю главный козырь, позволявший заручиться верностью этих могущественных родов.

5. Единение знати. — В царствование Василия II произошли большие изменения в отношениях между военной аристократией и императорской властью. Василий, слишком юный, чтобы быть императором, долгое время жил под опекой Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и, наконец, Василия Лакапина, своего двоюродного деда.

Этот последний впервые испытал тревогу в 976 году, когда поднял восстание Варда Склир, один из героев войны 972 года против русских. Через три года Варда Склир был побежден Вардой Фокой, племянником императора Никифора, произведенным в чин доместика схол и обратившимся за подкреплением к своим иверским друзьям. Когда Василий II, наконец, начал править сам, он напал на болгар, вместо того чтобы вести кампанию на Евфрате, как того ожидали полководцы, выходцы из знатных восточных семей. Василий был разбит болгарами и столкнулся с недовольством офицеров, которые в 986 году избрали своим главой Варду Фоку. Междоусобная война вновь начала раздирать Малую Азию; Василий II и его брат Константин VII были спасены благодаря отряду врагов, который киевский князь Владимир отправил им на помощь.

Победив, Василий II не стал преследовать всех аристократов Малой Азии, которые присоединились к бунтовщикам; он наказал лишь Фок и их родственников: они были обязаны своим положением только македонской династии, с которой осмелились соперничать. В результате конфискации Фоки потеряли большую часть своего имущества и выпали из круга высшей византийской аристократии. Император провел перераспределение благ, и на сцену выступили семьи Комнинов, Далассинов, Вотаниатов, Феодороканов, в то время как некоторые

другие, например, Мелиссины, Аргирь или Склиры, сохранили свое положение. Василий II лично устроил браки некоторых из них с болгарскими царевнами. Эти изменения чрезвычайно важны, так как именно благодаря им займет свое место династия Комнинов. Уничтожение аристократии в Византии было невозможным: ее представители занимали все государственные должности.

Со времени правления Василия II представители влиятельных семейств начинают чаще селиться в столице, дабы из близости к императорской особе извлечь преимущества для себя и своей родни. Семьи с военной родословной больше соприкасаются с семействами, прославившимися на ниве гражданской деятельности, и различия между ними постепенно стираются. В XI веке некоторые аристократы оставляют военную карьеру ради юридической и особенно ради налоговой: эти сферы деятельности становятся более доходными. Потери в офицерском составе возмещаются увеличившейся интеграцией иноземцев, продолжающих византийскую традицию продвижения на военной службе. Действительно, византийское общество остается открытым (хотя и в различной мере: за гостеприимным XI веком следует более суровое XII столетие) как для обладателей военных талантов, так и для интеллектуалов.

ГЛАВА IV

ВИЗАНТИЯ МЕЖДУ КРЕСТОНОСЦАМИ И ТУРКАМИ (1057—1453)

Объединение в одной главе четырех последних веков существования Византии, которые в итоге привели к ее исчезновению, требует пояснений. Не следует делать из этого вывод, что речь идет о долгой агонии, поскольку эпоха Комнинов была блестящей. Но в течение нескольких столетий императорам приходилось вести борьбу на два фронта — с крестоносцами и с турками. Эти конфликты имели разную природу, но угрожали самой природе империи: со стороны Запада — ее экономике и религиозной специфике, со стороны турок — территориальной целостности и свободе населения. Эта борьба велась с переменным успехом, в соответствии с избранным политическим направлением, но, в конечном счете, она стала фатальной для древней империи.

I. — Поддерживаемое равновесие (1057—1180)

1. Династический кризис. — Василий II, умерший неженатым, не озаботился тем, чтобы

выдать замуж своих племянниц, и, когда его брат Константин на смертном одре решил передать власть Роману Аргиру и женил его на своей дочери Зое, она уже была слишком стара, чтобы произвести на свет потомство. Македонская династия была обречена на исчезновение, поэтому началась борьба за престол. Она подразумевала два пути: жениться или быть усыновленным законными императрицами, Зоей и Феодорой, либо осуществить государственный переворот с помощью военной силы. Между 1025 и 1081 годами ни один император, кроме Константина Мономаха, не смог надолго удержаться у власти. В борьбу включились аристократические семейства, причем не только те, которые участвовали в столкновениях с мусульманами в Анатолии — Диогены, Мелиссины, Бурцы, Тарониты, Далассины, но и другие семьи, обосновавшиеся в Адрианополе (современники называли их «македонцами») и извлекавшие выгоду из своего участия в болгарских войнах: Торники, Ватацы, Вриеннии. Наконец, в самом Константинополе из рядов чиновничества вышли такие богатые семейства, как Кируларии или Макреволиты. Двор привлекал и военных, например, Комнинов. Возвышение большей части этих родов восходит ко времени Василия II, который, в частности, позаботился об образовании будущего императора Исаака Комнина и его брата Иоанна. Произошло множество бунтов, ослабивших императорскую армию как раз в то время,

когда враги стояли у границ. Наконец, в 1081 году молодой полководец Алексей Комнин, благодаря жене связанный со многими аристократическими семействами, захватил власть и основал династию, которая принесла мир, стабильность и обновление империи. В эту династию вошли его сын Иоанн II и внук Мануил.

2. Турецкое нашествие. — Мусульманский Восток, живший в это время под постоянной угрозой византийского нашествия, был внезапно взбудоражен турецкими завоеваниями. В течение веков турки были наемниками в армиях Ближнего Востока. В конце X века турки Центральной Азии приняли ислам суннитского толка. Племя, носившее имя своего предполагаемого предка Сельджука и служившее ирано-афганской династии Газневидов, взбунтовалось и под предводительством Тогрул-Бека смогло освободиться. Захватив большую часть владений своего бывшего хозяина, Тогрул-Бек вошел в Багдад в 1055 году, где получил титул султана от аббасидского халифа, довольного тем, что избавился от опеки шиитских эмиров Буйидов. В армии султана были многочисленные вспомогательные части туркменов-кочевников, обременительные для него в мирное время; поэтому им было разрешено грабить византийские провинции. В 1054 году султан лично повел свою армию к мощной крепости Манцикерт, но ему пришлось отступить перед решительной обороной.

Несмотря на то, что Сельджуки отняли последние завоевания Византии в Армении и Сирии, они вовсе не стремились захватить Византийскую империю. В первую очередь они хотели устранить шиитский халифат Фатимидов. Византийцы, жертвы турецких набегов, пережили разграбление некоторых из самых прекрасных своих городов: Мелитины, Феодосиополя (римский Эрзурум), Кесарии в Каппадокии, Колоссы во Фригии. Турки могли тем легче и глубже вторгаться в Анатолию, что старые римские фемы были в основном демилитаризованы. В то же время многие турецкие шайки были уничтожены византийскими войсками.

В 1071 году император Роман Диоген, опытный полководец, которого возвели на трон в надежде, что он отбросит врага от византийских границ, решил атаковать армию султана Алп-Арслана на пути в Египет. Однако император был разбит при Манцикерте у озера Ван в 1071 году. Это поражение усугублялось междоусобной войной, разгоревшейся в империи: соперники императора призвали турок, считавшихся хорошими воинами, и впустили их в провинции и укрепленные города, которые турки никогда бы сами не взяли. Таким образом, Сельджукиды, сыновья Куталмыша, родственники Алп-Арслана, отколовшиеся от великого иранского султаната, смогли обосноваться в Никее до 1081 года и достигли побережья Мраморного

моря недалеко от Константинополя. В скором времени Сельджукиды Румийские, прозванные так потому, что они обосновались на римской территории, стали контролировать большую часть Малой Азии, захватив даже Антиохию, которую им пришлось делить с другим турецким племенем, расположившимся в центре и на севере Малой Азии, — Данишмендидами. Спустя несколько десятилетий Византия потеряла анатолийское плато, колыбель армии, мужественно сопротивлявшейся арабским нашествиям. Неожиданное отступление объясняется целым рядом причин, в частности, легкомыслием полководцев, которые недооценили неспособность турок к ассимиляции, и заброшенностью городов, попавших в их руки. Кроме того, сыграла свою роль и неприязнь к новому императору со стороны каппадокийского населения, вождь которого Роман IV Диоген был безжалостно ослеплен своими соперниками Дуками. К тому же в самом начале своего царствования, когда турки еще не укоренились в Малой Азии, Алексей Комнин не мог вмешиваться в создавшуюся там ситуацию из-за набегов норманнов и печенегов. Добавим, что климатические условия и пастбища центрального плато полностью соответствовали образу жизни турецких кочевников.

На Балканах византийцы боролись с кочевыми племенами тюркского происхождения, которые оставались язычниками: узами, печенегами

и куманами. В конце XI века, ценой больших потерь, византийцам удалось их победить и ассимилировать.

3. Динамизм западного мира. — Итальянцы первыми освоили восточные пути, но в XI веке к ним присоединились представители других романских народов — торговцы, паломники и солдаты. Жители Амальфитанского побережья и венецианцы имели перевес в торговле с империей, хотя энергичные византийские торговцы бывали во многих средиземноморских портах, особенно в Александрии. В 1082 году венецианцы получили решительное преимущество благодаря хрисовулу (золотой булле) императора Алексея Комнина, который нуждался в венецианском флоте для борьбы с захватчиками норманнами. В обмен на эту обременительную услугу они освобождались от уплаты таможенных пошлин, что давало им преимущество перед конкурентами, причем не только перед другими западными торговцами, но и перед самими греками. Кроме того, венецианцам отвели целый квартал вдоль Золотого Рога, который постепенно становился самым востребованным портом столицы. Чтобы ограничить венецианское влияние, Алексей и его последователи были вынуждены давать привилегии, хотя и менее значительные, Пизе и Генуе. Тем не менее, Константинополь не терял своей роли обязательного посредника, ко-

торого нельзя обойти в замкнутом пространстве Черного моря.

Часто отмечалось, что этот договор противоречил византийским интересам, но его губительные экономические последствия до 1204 года были почти не заметны, поскольку объем торговли в восточном Средиземноморье оставался достаточно скромным. Психологический ущерб был более ощутим: чем дальше, тем с большим трудом жители столицы терпели то, что они считали несправедливой привилегией, предоставленной заносчивым западным купцам. В провинции западные купцы загружали свои корабли пшеницей и вывозили ее, чтобы кормить растущие итальянские города. Тем самым они обогащали крупных землевладельцев, то есть членов большой императорской семьи, которые продавали им излишки своей продукции.

Представителей романо-германских народов, прежде всего норманнов, все чаще нанимали в императорскую армию благодаря их военной доблести. Это были превосходные всадники, а византийская армия нуждалась в тяжеловооруженных воинах с копьями: империя так и не смогла овладеть этой новой военной тактикой, применяемой на Западе. Эти наемники постоянно использовались в армии при Комнинах и Палеологах, несмотря на дисциплинарные нарушения в тех случаях, когда задерживалось жалование. Часть этих людей вербовали, когда

они проходили через Константинополь, совершая паломничество в Иерусалим. Действительно, с тех пор как венгры надежно осели в своем христианском королевстве, по сухопутной дороге к Святой Земле все чаще проходили верующие с Запада, в том числе и знать. Достоинства норманнских воинов византийцы научились ценить в начале XI века, когда им пришлось бороться против наемников, которых лангобардские правители принимали к себе на службу. Очень небольшой отряд норманнов во главе с Робертом Гвискаром сумел захватить Бари в 1071 году (это вообще был крайне неудачный год для империи). При Михаиле VII императорское правительство составило план, согласно которому Византия могла победить турок с помощью Гвискара и его людей, причем предполагалось соблазнить Гвискара браком между его дочерью и наследником императорского престола. Но в 1081 год Гвискар, который мечтал овладеть Константинополем и самому стать императором, пересек пролив Отранто, завоевал Дирахион, где начиналась *via Egnatia*, и вместе со своим сыном Боэмундом угрожал Балканам вплоть до своей смерти в 1085 году.

Религиозные различия пока еще не стали непреодолимым препятствием, так как, несмотря на раскол 1054 года, имевший тяжкие последствия, все еще сохранялось единство христианского мира. На Западе папство пыталось освободиться от влияния светских властей, развязав

то, что впоследствии будет названо спором об инвеституре. Подобное было немыслимым в Византийской империи, где император продолжал полностью контролировать патриархов и церковь. Лев IX, один из первых пап-реформаторов, особенно озабоченный первенством римской кафедры, натолкнулся на притязания патриарха Михаила Кирулария. В Константинополь отправилась папская делегация во главе с непримиримым кардиналом Гумбертом: папа хотел заключить с императором Константином IX Мономахом союз против общего врага, норманнов Южной Италии. Гумберт считал, что может рассчитывать на императорскую поддержку, чтобы утвердить первенство Рима, и предал патриарха анафеме. Патриарх, поддерживаемый византийской церковью и населением столицы, среагировал мгновенно и в свою очередь отлучил от церкви делегацию понтифика в июле 1054 года, тем самым спровоцировав церковный раскол.

Это был не первый разрыв между двумя церквями, и переговоры между папством и империей о союзе против норманнов еще некоторое время продолжались. Этот разрыв не помешал папам призывать верующих Запада на помощь империи. Кируларий со своей стороны сохранял фактическую власть над другими восточными патриархами. В то же время схизма была знаком постепенного расхождения двух христианских церквей. Спустя несколько десятилетий стало

очевидным, что объединение церквей сложно будет провести в жизнь даже при желании. Взятие Константинополя крестоносцами в 1204 году и создание Латинской церкви на развалинах империи усилило взаимную обиду.

4. Византия и крестовый поход. — Папы Григорий VII и Урбан II на соборах в Плезансе и Клермоне (1095) призывали христиан прийти на помощь своим восточным братьям, разгромленным турками. Император Алексей Комнин отправлял на Запад многочисленных посланников с просьбами о помощи, прежде всего военной. В итоге вся эта деятельность вылилась в вооруженное паломничество, которое мы называем крестовыми походами. Помимо помощи грекам, они должны были открыть свободный доступ к Святым местам, овладев Иерусалимом. Из-за нехватки кораблей вожди крестоносцев — Годфруа де Бульон, Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузский, Этьен, граф Блуа, Боэмунд Тарентский — решили идти сухопутными маршрутами, которые пересекались в Константинополе. Их принял сам Алексей Комнин, который понимал, что здесь речь идет не о простых наемниках. У него было две цели: как можно быстрее отправить латинские войска подальше от Константинополя и извлечь выгоду из их присутствия, чтобы вновь укрепиться в Малой Азии. Он поспешил переправить через пролив недисциплинированные отряды Петра Отшельника, ко-

торые были уничтожены турками Никеи. Алексей обсудил с сеньорами соглашение, согласно которому «крестоносцы» должны были возвратить все города, недавно потерянные византийцами, в обмен на материально-техническое обеспечение и приход подкреплений во главе с самим императором. Норманец Боэмунд, который был знаком с византийскими традициями, согласился с Алексеем с тем большей легкостью, что, вопреки заявлениям Анны Комнин, рассчитывал стать главой византийской армии на Востоке.

Никея, завоеванная в мае 1097 года, была возвращена Алексею. Однако после того как Боэмунд захватил Антиохию, он отказался отдать ее императору под предлогом, будто тот не выполнил свои обязательства. Действительно, Алексей, обманутый паническими сообщениями вождей крестоносцев, которые не участвовали в осаде Антиохии, отказался прийти на помощь западным союзникам, когда те были в опасности. Алексей, а затем его сын Иоанн II не хотели отказываться от господства в северной Сирии, что привело к столкновениям с латинскими правителями Антиохии. Крестоносцы, наконец, достигли Иерусалима и овладели городом 15 июля 1099 года. В последующие годы Запад многократно посылал дополнительные военные контингенты, чтобы поддержать новые франкские государства на Востоке, но, так как они отправлялись туда отдельными партиями,

то сразу уничтожались турками. Некоторые западные вожди пустили слух, будто бы византийский император добровольно выдал туркам эти войска. Это обвинение поддерживали далеко не все, но нет сомнений, что некоторые эпизоды Первого крестового похода породили взаимную неприязнь греков и крестоносцев.

В то же время Алексей Комнин кое-что выиграл благодаря этому крестовому походу, так как турки-сельджуки, жестоко разбитые крестоносцами, потеряли свою столицу Никею. Турки отступили на плато, где создали новую столицу — Конию (древний Иконий). Византийцы смогли отнять у них западную часть Малой Азии, куда входили лучшие пахотные земли и такие города с активным и энергичным населением, как Никея и Смирна. Кроме того, удалось спасти окруженный неприятелем порт Атталию.

5. Мануил Комнин: последний расцвет. — Третий император династии Комнинов имеет противоречивую репутацию. Западные хронисты, современные Комнину, рассыпаются ему в похвалах, греки же не столь единодушны и высказывают разные суждения. Иоанн Киннамос дает похвальный отзыв, тогда как Никита Хониат судит о нем скорее негативно, считая, что Мануил Комнин истощил силы империи. Действительно, большую часть своего царствования Мануил провел в войнах. Он пытался вновь закрепиться в Южной Италии — не для того, чтобы

возобновить имперскую политику на манер Юстиниана, а чтобы предупредить норманнские нашествия. Например, Рожер II, король Сицилии, воспользовавшись тем, что шел Второй крестовый поход под предводительством Людовика VIII Французского и Конрада III Германского, а византийские войска стояли вокруг Константинополя, напал на богатые города Коринф и Фивы. Он переправил на Сицилию часть местных производителей шелка и построил крепость в Корфу, которую император взял через несколько лет с помощью венецианцев.

Мануил вел также многочисленные кампании против сербов и венгров, что дало ему неоспоримое преимущество на Балканском полуострове. Порвав с политикой своих предшественников, которые пытались силой уничтожить Антиохию, Мануил, напротив, стремился стать незаменимым союзником франкских государств Востока. Он сблизился с королями Иерусалима, обеспокоенными ростом могущества Нур эд-Дина и его преемника Саладина, но военные операции с целью захвата огромных богатств Египта провалились. В то же время Мануил расходовал целые состояния на поддержку крестоносцев на Востоке, оставив о себе память как о благородном правителе, который заботится о благе христиан.

Мануил не забывал о Малой Азии и старался ограничить сепаратистские устремления армян, обосновавшихся в Киликии с тех пор, как сель-

джукские набеги на Армению в конце XI века спровоцировали значительную эмиграцию на более безопасный юг. После его смерти Рупениды, правившие в Киликии, завоевали независимость, и в 1198 год Лев, правитель Киликии, получил королевскую корону. Мануилу также удалось заставить признать свою власть (частично — силой) Данишмендидов и Сельджукидов. В 1162 году император с пышностью принял в Константинополе Килидж-Арслана II. Будучи чересчур доверчивым, Мануил позволил султану Сельджукидов завладеть данишмендидским государством и был вынужден вести кампанию против Икония. В 1176 году он сформировал мощную армию для осады столицы Сельджукидов, но был застигнут врасплох в Мириокефалонском ущелье. Тем не менее византийская армия выстояла и смогла защитить византийские земли. Однако все надежды византийцев на возвращение анатолийского плато были потеряны.

В царствование Мануила управление империей обрело все характерные черты последней фазы византийской истории. Аристократия всегда вершила судьбами империи, но с приходом к власти Комнинов роль императорской родни возросла в такой мере, что социальная иерархия стала строиться на степени близости к императору. Братья императора получили титул *севастократора*, тогда как другие родственники стали называться севастами, что отличало их от остального населения и даже от высших санов-

ников, для которых эти титулы были недоступны в течение всего времени правления Комнинов. Лучшие офицеры армии часто вступали в брак с женщинами, принадлежавшими к этим плодовитым семьям, что позволяло сознательно пополнять ряды высокой аристократии и таким образом избежать вырождения.

Императоры из рода Комнинов заботились и о населении своей столицы. Вступление на престол Алексея Комнина в 1081 году сопровождалось насилием и грабежами, но Иоанн II и особенно Мануил приобщали к своим успехам жителей Константинополя, возрождая античную традицию триумфальных процессий. Они также заручились поддержкой интеллектуальной элиты, заполнявшей канцелярии, приглашали образованных людей ко двору для сочинения императорских речей, предоставляли им важные церковные посты.

6. Процветание. — Последствия медленного демографического роста начинают сказываться с XI века. Население византийских городов, прежде всего Константинополя, увеличивается, и они перестают быть почти исключительно административными либо военными центрами. При Комнинах население столицы достигает своего максимального средневекового показателя, насчитывая от 300 до 400 тысяч жителей. Снабжение съестными припасами значительно улучшается: к пшенице, доставлявшейся из со-

седних провинций — Фракии и Вифинии, добавляется рыба: ее в большом количестве и по низким ценам поставляют рыбаки Босфора. Города провинции оживают, хотя их население, как правило, не превышает 10 тысяч человек. Исключение составляют Фессалоники, извлекающие пользу из мира на Балканах, вероятно, Смирна, которая заменила собой Эфес, а также, безусловно, города Востока: Антиохия, Эдесса и Ани.

В сельской местности увеличивается число деревень, хотя трудно уточнить объем и темп этого процесса. Сохранившаяся в монастырских архивах Афона документация дает точные сведения только о провинции Македония. Эти сведения показывают, что новые сельские поселения вписываются в первоначальную сеть деревень и что эти благоприятные изменения, несмотря на политические события XIII века, продолжают вплоть до начала XIV столетия, когда крестьяне, использующие ограниченную земельную площадь, были вынуждены поднимать целинные земли. Урожаи с них снимали не самые лучшие, и этот процесс не стал революцией в области сельского хозяйства.

Византийская империя, как и современная ей Европа, была увлечена экспансионистским движением, которое выдохлось за несколько десятилетий до того, как вернувшаяся в середине XIV века чума произвела страшное опустошение. Однако найти региональные различия довольно сложно. По-видимому, на Балка-

нах, как и в Македонии, шла непрерывная экспансия, в то время как в Малой Азии турецкое нашествие наткнулось на противодействие, особенно активное в ее западной части. Отступление довольно быстро прекратилось и в Вифинии, близкой к столице, но район Адрамиттия оставался безлюдным вплоть до начала правления Мануила. В Малой Азии, как на территории Византии, так и во владениях Сельджуков, тоже сложились благоприятные условия. Новый этап процветания в регионе объясняется созданием с 1204 года прочного Никейского государства. Наконец, смута, возникшая в результате оттоманского завоевания, накладывается на местные проблемы и ведет к новому демографическому спаду, который не может переломить даже приход новых тюркских племен.

Ремесло и торговля процветают: им идет на пользу развитие городских рынков, самый большой из которых складывается в Константинополе. Оживляются средиземноморские контакты. Производство предметов роскоши концентрируется в столице; но и в провинциальных городах, таких как Фивы или Коринф, активно работают мастерские, производящие шелковые ткани. Они особенно высоко ценились итальянскими купцами, закупавшими их прямо на месте. В Фессалониках, на площади Святого Димитрия, располагалась ярмарка, где торговали купцы, приехавшие со всех концов Средиземноморья.

Рост производства означал большие налоговые поступления. Без сомнения, междоусобные войны и вражеские нашествия влекли за собой серьезные трудности, так как налоги переставали поступать из завоеванных провинций именно тогда, когда особенно возрастали военные расходы. Как следствие, в XI веке *nomisma* впервые несколько обесценилась; это могло быть также результатом дефицита металла для чеканки монет в момент экономического роста. Затем произошла вторая девальвация, поистине катастрофическая, но Алексей Комнин произвел монетную реформу, стабилизировав золотую монету, которая стала называться иперпироном. Благодаря ее стабильности в течение века эту монету широко использовали в международной торговле.

7. Многонациональная столица. — Возросшее финансовое благополучие аристократии отразилось в строительстве новых зданий в Константинополе. Каждый из императоров XI века оставил после себя величественный монастырь, пожалованный обширными земельными владениями, который становился серьезным экономическим предприятием. В наиболее известном из них, Манганском монастыре, построенном Константином IX Мономахом, находилась даже школа права, выпускавшая высших должностных лиц. Комнины продолжили традицию: Алексей перестроил Большой Сиротский дом, а

его сын Иоанн II основал монастырь Пантократора, на церкви которого можно полюбоваться и в наши дни. Именно при Комнинах Большой Дворец перестал быть постоянной резиденцией императоров; они возвели новый дворец, расположенный в глубине Золотого Рога рядом с Влахернской церковью. Богоугодные заведения и монастыри были собственниками большей части зданий столицы.

II. — Отступление перед Европой (1180—1341)

1. Четвертый крестовый поход и его последствия. — По мнению современников, 1180 год, когда умер Мануил Комнин, стал началом упадка Византии. И это очень точное наблюдение. Император оставил власть несовершеннолетнему ребенку. Регентшей стала мать Алексея II Мария Антиохийская (она была западного происхождения), что вызвало мятежи. Но кровавая узурпация трона Андроником I Комнином закончилась тем, что его убила константинопольская толпа. Исаак Ангел, пришедший к власти благодаря случаю, не мог справиться с новым восстанием болгар, которых поддерживали валахи и куманы. В 1195 году он был свергнут собственным братом. Нестабильность центральной власти способствовала росту сепаратистских настроений в некоторых провинциях: Лидии со столичным городом Филадельфией, на Кипре и

в Пелопоннесе. Стремительное ослабление империи стало очевидным во время Третьего крестового похода, целью которого было отвоевать Иерусалим у Саладина. В 1191 году Кипр был захвачен англичанами во главе с Ричардом Львиное Сердце и стал еще одним франкским государством Востока. Здесь правили Лузиньяны, которые в течение некоторого времени управляли и Иерусалимским королевством. Фридрих Барбаросса во главе своей мощной армии вынудил Исаака II заключить с ним договор, хотя подумывал и о том, чтобы завоевать Византийскую империю, которую он должен был пересечь. К тому же германский император заключил союз с Саладином. Дело жизни Мануила Комнина было уничтожено.

Новый крестовый поход предполагал нападение на Египет с моря; таким образом, крестоносцы надеялись вновь овладеть Иерусалимом. Крестоносцы под предводительством таких знатных рыцарей, как Бодуэн Фландрский и Бонифаций Монферратский, собрались в Венеции, где они ожидали кораблей, зафрахтованных предводителями похода. Византийцы, не получив обещанной платы от участников крестового похода (их оказалось на самом деле меньше, чем предполагал первоначальный план), предложили крестоносцам оказать им в качестве компенсации услугу: захватить враждебный им далматский город Зару. Несмотря на формальное осуждение папой такого отклоне-

ния от намеченного маршрута, крестоносцы взяли приступом этот христианский город. Когда сын свергнутого императора Исаака II Алексей, бежавший из константинопольской тюрьмы, предложил крестоносцам вернуть ему власть в обмен на поддержку их заморской экспедиции, после ожесточенных споров крестоносцы согласились.

В июле 1203 года латинский флот оказался под стенами Константинополя. Армия высадилась на берег, но городские ворота не открылись для претендента на трон. Поскольку Алексей III Ангел не мог справиться с осадой, под покровом ночи он бежал из столицы. Жители решили обратиться к Исааку II, который принял сына и латинских вождей, не позволив, однако, войскам войти в город. Провинции не признали нового императора, поэтому он не смог сдержать свои обещания. Он вызвал общую ненависть, собирая огромные налоги в пользу своих союзников, что повлекло за собой его устранение и приход к власти очередного императора, Алексея V Мурзуфла, который должен был отбросить латинские войска за море. Крестоносцы начали штурм города и преодолели грандиозные городские укрепления, которые никому не удавалось разрушить вплоть до этого дня — 12 апреля 1204 года. В Константинополе была провозглашена Латинская империя, а папа Иннокентий III, до этого решительно осуждавший отклонения от намеченного пути, радовался ус-

пеху, который позволял церкви посадить в Новом Риме латинского патриарха и тем самым положить конец церковному расколу.

2. Никейская империя. — Падение Константинополя повлекло за собой анархию; многочисленные местные вожди попытались создать автономные княжества, однако в первое время воспользовались этой ситуацией враги греков. Сельджукиды получили доступ к морям, захватив Синоп на Черном море и Атталию на Средиземном. Эти приобретения чрезвычайно благоприятствовали их торговой деятельности, которая и так процветала. Один из вождей крестового похода, Бонифаций Монферратский, основал королевство в Фессалониках. Некоторые из его вассалов обосновались на Пелопоннесе, чтобы создать Ахейское княжество. Венецианцы, наконец, завладели Критом, Евбеей, Корфу.

Тем не менее греки не сдались, и некоторые вожди императорской крови, пользуясь резким ослаблением крестоносцев, разбитых болгарами в Адрианополе, создали три государства. Первое, основанное потомками Андроника Комнина, протянулось от Трапезунда до Пафлагонии. Второе, во главе с Дуками Ангелами, расположилось в горах Эпира, а третье было основано зятем Алексея III Феодором Ласкарисом. Феодор пересек Босфор еще до взятия Константинополя в 1204 году и утвердил свое первенство в западной Малой Азии, управляя Смирной и

Никеей. Восстановить империю значило завладеть ее древней столицей, и каждый из трех новых греческих правителей попытался продвигаться к городу, сражаясь одновременно и со своими соперниками, и с латинской армией. Трапезундские Комнины, называвшие себя императорами, были устранены первыми. Их государство продолжало существовать на берегах Понта Эвксинского, но постепенно завоевывалось турками, хотя вокруг столицы сохранялось однородное греческое население. Феодор Ангел Эпирский, казалось, одно время был близок к успеху, так как в 1217 году ему удалось уничтожить вспомогательный латинский контингент и захватить Фессалоники. Гордый успехом, он провозгласил себя императором, но в 1230 году страшное поражение в битве с болгарами в Клокотнице лишило его всяких надежд. Феодор Ласкарис сумел привлечь на свою сторону большую часть константинопольской аристократии, бежавшей из столицы. Он преодолел разногласия с другими магнатами Малой Азии и добился того, что в Никее был восстановлен греческий патриархат. Назначенный патриархом Авториан короновал его как императора (*basileus*).

Новый греческий император, победив в 1211 году сельжукского султана, тремя годами позже выстоял в борьбе с латинским императором Генрихом Фландрским, которому удалось дойти до района Смирны. В 1221 году Феодор завещал небольшое, но стабильное государство своему

зятю, Иоанну III Ватацу. В 1243 году монголы одержали победу над Сельджуками, что избавило императора от тревоги за безопасность восточной границы. В течение нескольких десятилетий в азиатских провинциях царил прочный мир. Близость императора к своим подданным, его заботливое и разумное управление государственным имуществом, постоянный контроль над должностными лицами способствовали процветанию народа. Византийцы даже продавали сельскохозяйственную продукцию Сельджукам, которые голодали из-за продолжительных беспорядков в Анатолии, оккупированной монголами. Хотя налоговые сборы не были грабительскими, они позволили сформировать сильную армию, с помощью которой Ватац изгнал из Азии «латинян», отвоевал некоторые европейские провинции, включая Адрианополь, а в 1246 году при поддержке жителей занял Фессалоники. Ему не удалось вернуть Константинополь, хотя действия латинского императора были практически ограничены пределами города; стены оставались великолепной защитой, и венецианцы, не желавшие терять выгодного коммерческого положения, которого они добились, получив выход в Черное море, препятствовали любому нападению со стороны моря и любой блокаде. Впрочем, часть никейской аристократии перестала считать возвращение Константинополя первоочередной задачей. Правление Иоанна Ватаца осталось в народной памяти

как «золотой век», а спустя несколько десятилетий, в эпоху кризиса, императора стали почитать как святого и молить его о помощи в борьбе против турецких захватчиков.

3. Отвоение Константинополя и латинская угроза. — В 1259 году полководец императорской крови Михаил Палеолог провозгласил себя сначала регентом, а потом соправителем юного Иоанна IV Ласкариса, внука Иоанна III. Действительно, Никея нуждалась в человеке действия. В этом году латинские враги Никеи создали коалицию, куда входили князь Ахейский Гийом де Виллардуэн, король Сицилии Манфред и эпирские деспоты. Иоанн Палеолог, посланный братом во главе никейской армии, сумел разгромить коалицию в Пелагонии (Македония) и взять в плен Гийома, который был освобожден только после того, как отказался от юго-востока Целоппоннеса и портового города Монемвасии, важнейшего пункта византийской провинции Мореи.

Михаил VIII мечтал отвоевать Константинополь, но первая попытка подобного рода в 1260 году провалилась. Он начал переговоры с генуэзцами, соперниками венецианцев, и весной 1261 года заключил с ними соглашение в Нимфее, императорской резиденции, расположенной недалеко от Смирны. В случае завоевания Константинополя с помощью их флота, генуэзцы получили бы те блага, которыми раньше

пользовались венецианцы. В действительности город сдался практически без сопротивления, когда никейский полководец Алексей Стратигопул, случайно увидев, что на стенах города практически нет защитников, вошел в город в июле 1261 года во главе небольшого войска. Этот неожиданный триумф укрепил власть Михаила VIII, который 15 августа был заново коронован в Святой Софии, а на следующее Рождество ослепил Иоанна IV.

Однако положение Византии в 1261 году было куда менее удачным, чем казалось со стороны. Действительно, восстановление Константинополя, разграбленного, три раза горевшего во время событий 1203—1204 годов, брошенного на произвол судьбы (за исключением квартала венецианцев) латинскими жителями, которые были слишком бедны, чтобы содержать город в нормальном состоянии, поглотило огромную часть накопленных в Никее богатств. Восстановление и возведение заново городских стен еще более увеличивало расходы. Кроме того, следовало платить разросшемуся штату чиновников и большим войскам, в результате чего финансовое равновесие империи стало весьма неустойчивым. Иперпирон, уже ослабленный во времена Ангелов, еще более обесценился, и при Иоанне Палеологе золотую монету перестали чеканить — она уступила место серебряным монетам невысокой пробы.

Что касается политики, то Михаил VIII потерял доверие населения Малой Азии, преданного

Ласкарисам, которые принесли своим подданным мир и процветание. Еще более важно, что возвращение императора в Константинополь не сделало его государем греков Трапезунда, Эпира или Фессалии, с которыми он вел тщетную борьбу. Отныне греки не считали правителя Константинополя своим законным государем, что, несомненно, подготовило распад империи, первые симптомы которого дали себя знать уже в конце XII века.

Наконец, Михаил VIII столкнулся с яростным противодействием вытесненных с берегов Босфора «латинян». Князь Ахейский и герцог Афинский не были бы столь грозными противниками, если бы не поддержка, которую франки получили у нового правителя Южной Италии и Сицилии Карла Анжуйского, амбициозного брата французского короля Людовика Святого. В случае необходимости франки могли также рассчитывать на помощь двух балканских держав, Болгарии и Сербии, которые тогда находились в фазе экспансии.

Чтобы нейтрализовать эту угрозу, Михаил VIII обратился к дипломатии, хотя и одержал несколько военных побед. Он постарался вывести из анжуйского союза римского папу, который был недоволен изгнанием латинского патриарха и претендовал на руководство единой церковью. Император пытался умиротворить папу, предлагая ему церковную унию, но это предложение вызвало яростное сопротивление

византийского духовенства и большей части верующих, которые все еще были под впечатлением от осквернения церквей, в особенности Святой Софии, западными захватчиками в 1204 году и категорически отказывались принимать римское господство. В 1274 году Михаил VIII все же навязал народу Унию, которая была официально провозглашена его представителями на Лионском соборе, но фактически осталась только на бумаге. Она даже не предотвратила избрание папы, готового поддержать Карла Анжуйского. Больше повезло Михаилу VIII в его итальянских интригах: золото Византии оказало поддержку восстанию, получившему название «Сицилийской вечерни». Весной 1282 года оно разделило анжуйское королевство на две части, и Сицилия перешла в руки Педро III Арагонского. Император укрепил свое господство на Балканах, но пренебрег защитой азиатских провинций; перед смертью в декабре 1282 года он собирался исправить эту ошибку.

4. Потеря Малой Азии. — Андроник II, сын Михаила VIII, не унаследовал военных способностей своего отца и не смог спасти Малую Азию. В Анатолии Сельджукидский султанат рушился под ударами монголов. Последние, двигаясь на запад, гнали перед собой волны разрозненных и немногочисленных, но воинственных тюркских племен. Они осели недалеко от византийской границы, где кочевники надея-

лись покончить с зависимостью от монголов. Среди эмиратов, образовавшихся в конце XIII — начале XIV веков, тот, которым правил Осман, был далеко не самым могущественным, но у него было пространство для экспансии — Вифиния (Османский эмират расположился на реке Сангарий).

Неприязнь азиатских византийцев к узурпатору Михаилу VIII выразилась в массовой поддержке схизмы Арсения — патриарха, который был смещен за то, что отлучил от церкви Михаила VIII, ослепившего Иоанна IV. Эта враждебность была направлена и против сына Михаила и отнюдь не способствовала сопротивлению туркам. За несколько десятилетий турки захватили те земли, которые составляли благополучие Никейской империи. Из экономии Андроник отказался содержать флот. Это обеспечило полную свободу действий пиратам всех мастей и поставило империю в зависимость от Генуи и Венеции. Деньги приберегались для финансирования сухопутной армии, но ее было явно недостаточно для отражения турецкой угрозы, особенно в связи с тем недоверием, которое император слишком часто выказывал по отношению к полководцам. Андроник II решился нанять крупный воинский контингент каталонцев, что потребовало значительных расходов. В 1304 году пять или шесть тысяч каталонцев стремительно освободили большую часть Малой Азии, поскольку противники пока еще не

располагали значительными силами, и турецкое продвижение еще можно было остановить. Так как обещанное вознаграждение не было выплачено, каталонцы разграбили территории, которые должны были защищать, повернулись против своего нанимателя и, наняв в помощь турок, прошли по Европе. В результате они изгнали франков из Афинского герцогства и основали в 1311 году каталонское государство.

С тех пор судьба византийской Малой Азии была решена: после ухода каталонцев Эфес и Смирна пали под ударами турок. В Вифинии, расположенной ближе к столице, сопротивление было особенно ожесточенным, но турки все же отняли Брусу (Бурсу), которая стала их первой столицей, Никею и, наконец, Никомедию (1337). Многие греки бежали в Европу, после чего последовал стремительный упадок таких великих культовых центров, как Эфес или Никея, хотя особых гонений на них со стороны турок не было.

5. Образование балканского государства. — Византийцы, фактически изгнанные из Азии, достигли некоторых успехов в Европе, хотя эти успехи отчасти умерялись междоусобной войной между Андроником II и его внуком Андроником III. Последний, придя к власти в 1328 году благодаря поддержке выдающегося полководца Иоанна Кантакузина, восстановил императорскую власть в Фессалии и Эпире, отразил нападение

болгар и отвоевал территории от побережья Мраморного моря до Адриатики. Казалось, что Византия будет теперь существовать не как империя, а как европейское государство, аккумулировавшее большую часть греческого населения.

Европейские провинции все еще были густо населены, а города развивались. Фессалоники соперничали с Константинополем, Монеувасия конкурировала с латинскими портами Пелопоннеса — Модоном, Короном и Кларансом. И никогда еще не была так велика в Македонии площадь возделанных земель. Несомненно, доходы от международной торговли, которая стремительно развивалась в XIII веке, теперь ускользали от империи. Генуэзцы, укрепившиеся в Пера-Галате, ввели большую часть таможенных пошлин с интенсивных морских перевозок от Босфора до Черного моря и южного берега Руси, где у западных купцов были торговые предприятия, как, например, в Тане или Каффе.

Государство заметно обеднело. Императоры были вынуждены жаловать своим слугам *pronoiai*: доходы от налогов поступали непосредственно к бенефицианту. Но постепенно земли, облагавшиеся налогами, перешли во владение этих должностных лиц, и *pronoiai* стали передаваться по наследству, что ущемляло власть императора. Правителям иногда приходилось отнимать часть даров путем конфискации, в том числе и те, которые предоставлялись монастырям, в основном на горе Афон.

При Михаиле VIII были предприняты большие работы по восстановлению столицы, ее дворцов, церквей и монастырей. В руках министров, управлявших страной, порой скапливались огромные богатства; так обстояло дело и с Феодором Метохитом, который потратил часть своего состояния на украшение церкви Спасителя в Хоре — сокровища византийского искусства эпохи Палеологов, сохранившегося до наших дней.

III. — Византия в турецкой зависимости

1. Византия на повороте. — Преждевременная смерть Андроника III в 1341 году, помешавшая ему атаковать последние франкские государства на Пелопоннесе, развязала долгую междоусобную войну между сторонниками вдовы Андроника, Анны Савойской, действовавшей от имени своего сына Иоанна V, и Иоанна Кантакузина, который одержал победу над ними в 1347 году. Как обычно, соперники обращались за помощью к иностранным державам, в данном случае — к сербам во главе со Стефаном Душаном и туркам под предводительством Умура, правителя турецкого эмирата Айдин, и Орхана Оттомана. В скором времени истинными победителями в междоусобной войне стали сербы, завладевшие землями Македонии и Греции, которые несколько десятилетий назад были с таким трудом завоеваны императорами. Стефан Душан был коронован как *basileus* сербов и гре-

ков. Что касается Оттоманов и других турецких эмиров, то они неплохо изучили дороги Фракии и Македонии.

Царствование Иоанна VI Кантакузина было отмечено эпидемией черной чумы, которая жестоко потрепала империю (как, впрочем, и всю Европу), особенно Константинополь. Император позволил себя втянуть в соперничество Венеции и Генуи, и его попытка создать византийский флот, который обеспечил бы империи независимость, провалилась. Наконец, в 1354 году Иоанн VI, чей союз с турками-оттоманами был осужден общественным мнением, был вынужден отречься от престола в пользу законного наследника, Иоанна V Палеолога. В тот же год страшное землетрясение разрушило стены Галлиполи, и оттоманы овладели крепостью, что позволило им контролировать Дарданеллы и свободно проходить по Фракии.

2. Византия — вассал турок. — Стефан Душан Сербский, единственный соперник, способный противопоставить туркам реальную силу, умер в 1355 году, после чего его империя распалась. Оттоманы, поддерживаемые войсками других эмиратов, исполненные духа газавата, жаждой завоеваний и грабежа христиан, в 1371 году на берегах Марицы опрокинули сербов, но реакции Византии не последовало. Султан Мурад I перенес столицу из Брусы в Адрианополь, что свидетельствовало о европейских притязаниях турок.

В 1389 году очередная победа турок над сербами в Косово утвердила господство молодого султана Баязида на Балканах. Выжившие христианские государства стали вассалами турок, как Византия или Сербия, или были ими поглощены, как Болгария, которая превратилась в провинцию оттоманской империи, находившейся в фазе экспансии.

Византийская империя отныне представляла собой ряд отделенных друг от друга территорий, неспособных к серьезному сопротивлению, за исключением деспотии Мореи. Эта пелопоннесская провинция, управляемая Палеологами, обосновавшимися в Мистре и практически независимыми от Константинополя, развивалась благодаря усилиям албанских переселенцев. В итоге деспоты Мореи захватили последние латинские владения на территории Византии, кроме принадлежавших Венеции портов Корон и Модон. Оттоманы вмешались в тот момент, когда деспоты попытались перейти на ту сторону Коринфского перешейка и захватить Афины, послав своих полководцев на разграбление Пелопоннеса.

Оттоманы вмешивались и в семейные раздоры Палеологов: доступ к константинопольскому трону требовал, по меньшей мере, их молчаливого согласия. Любая политика сопротивления была обречена на провал: юный Мануил, сын Иоанна V, обосновавшийся в Фессалониках, собрал войска Фессалии, что вызвало гнев султана, и в 1387 году Фессалоники пали. Тому же Мануилу

пришлось поддержать Баязида, послав ему на помощь контингент греческих войск, когда султан в 1390 году захватил Филадельфию, последний бастион независимости греков в Малой Азии.

В 1394 году Баязид начал блокаду византийской столицы, а в 1396 году отразил мощное нападение крестоносцев в Никополе. Император Мануил II покинул город и отбыл в долгое путешествие на Запад; посетил Париж и Лондон, где вызвал кратковременное любопытство и даже интерес, но не получил никаких обещаний о подкреплении. Западные правители смирились с концом дряхлой империи, но завоеватель из Центральной Азии, Тамерлан, мстивший оттоманам за то, что они вытеснили из Малой Азии других турецких эмиров, раздавил армию Баязида в 1402 году в Анкаре, дав тем самым полвека нежданной передышки византийцам. Действительно, соперничавшие друг с другом претенденты на трон Баязида нуждались в любой помощи, в том числе и со стороны Византии, которая вернула себе Фессалоники и территории на побережье Мраморного моря.

3. Общество в кризисе. — Повторяющиеся эпидемии чумы и непрекращающиеся набеги турок привели к ощутимому сокращению населения. Небольшой демографический рост отмечен лишь с середины XVI века, в период оттоманского мира. Города были обескровлены. После семи лет блокады в 1430 году в Фессалониках остава-

лось не более 10 000 жителей, а население Трапезунда в 1461 году не достигало и этой скромной цифры. В Коринфе, Патрасе и даже Мистре было в лучшем случае несколько тысяч жителей, в Афинах в 1400 году не набралось бы и тысячи.

Земельная аристократия, из рядов которой выходили должностные лица империи, исчезла к середине XIV века, то есть в то время, когда империя потеряла все свои земли. Междоусобная война к тому времени уже разорила богатейших аристократов, власть которых оспаривало восстание зилотов в Фессалониках. В этом городе, как и в Адрианополе, сторонники Иоанна VI, происходившие в основном из аристократических родов, были изгнаны или убиты, причем не столько крестьянами, сколько городскими ремесленниками и торговцами. Победители в течение нескольких лет сами управляли Фессалониками. Некоторые византийские города, как, например, Верроя, Иоаннина, Кроя, развивавшиеся в XIII и XIV веках, получили привилегии от императора: право сбора налогов и некоторую фактическую автономию.

Выжившие аристократы слились с богатейшими купцами и образовали последнюю правящую элиту. Латинские купцы, итальянцы и каталонцы, доминировали в международной торговле, тем более что именно они владели большей частью важнейших островов Эгейского моря, не говоря уже о таких торговых центрах, как Корон и Модон на Пелопоннесе или Фокия в Малой

Азии. Тем не менее, данные латинских архивов показывают, что доля греков в международной торговле была гораздо выше, чем полагали ранее. Греческие моряки активно занимались каботажом, а некоторые из них даже объединились с латинскими мореходами. Семья Нотарас, из которой вышел последний мегадука империи Лука, происходила из Монеувасии, хорошо защищенного порта Мореи, где обитало весьма предприимчивое население. В течение жизни нескольких поколений Нотарасы сколотили хорошее состояние (и этот случай не был уникальным). Будучи людьми осторожными, они поместили свои деньги в генуэзские и венецианские банки. Таким образом, финансовое крушение византийского государства в последний век его существования не привело к исчезновению состояний и разорению частных лиц.

Церковь также потеряла большую часть своих земельных владений: часть из них конфисковали императоры, изыскивая последние средства для обороны, другие были потеряны в ходе завоеваний. Тем не менее могущественным монастырям Афона удалось заставить султана признать часть своих прежних владений как неотчуждаемую собственность. Благодаря этому было обеспечено выживание Святой Горы.

4. В поисках союзников. — В XIV веке под воздействием афонского монаха Григория Синайского происходит обновление исихазма —

духовного течения, возникшего практически одновременно с институтом монашества. Это учение о покое, который выступает как условие безмолвной молитвы, взывающей к Иисусу, и позволяет иногда узреть духовным оком божественный свет. Ученик Григория Синайского Григорий Палама выработал целую доктрину, которая после продолжительных споров была включена в Синодики Православия — особую церковную службу, во время которой провозглашалась «вечная память» ревнителям православной церкви и предавались анафеме ее враги. Паламиты считались самыми непримиримыми противниками сближения с Римом.

Приверженность религии своих предков казалась византийцам наиболее надежной опорой: продвижение турок позволяло предсказать возможность скорого конца империи. В этой ситуации церковные иерархи были озабочены решением вопроса об условиях выживания церкви. Несомненно, патриарх Антоний мог сделать внушение Великому князю Московскому, который не хотел более признавать власть императора как главы всего христианского мира, но часть греческого духовенства ставила выживание церкви выше выживания империи. Это стало особенно заметно во время Ферраро-Флорентинского собора 1438—1439 годов. Император Иоанн VIII прибыл на него в сопровождении патриарха и ряда интеллектуалов, в том числе Георгия Схолария. Принятая на соборе

церковная уния вызвала самые ожесточенные дискуссии, какие только можно себе представить, и все же была подписана всеми греческими делегатами, за исключением митрополита Эфесского Марка Евгеника. Схоларий изменил свою позицию, считая, что нельзя подчиниться папе ценой измены догматам византийской церкви (например, согласившись добавить *filioque* к словам Символа веры), поскольку дело идет о спасении души. По мнению Схолария, эта уступка тем более невозможна, что союз с западной церковью, губительный для души, не гарантировал даже спасения тела от подчинения туркам. Непримируемость Схолария привела к тому, что он стал первым патриархом, назначенным султаном-победителем, который мог не опасаться, что новый глава «православной» церкви станет искать союза с Западом, чтобы освободить свой народ.

Однако эта ситуация не привела к единодушию. Последние императоры, Иоанн VIII и Константин XI, настолько надеялись на помощь Запада, что признали унию. Что касается церкви, то некоторые признавшие унию клирики окончили свои дни как монахи-доминиканцы Пера-Галаты. Митрополит Никейский Виссарион, также подписавший унию, стал кардиналом и закончил свою карьеру при папском дворе, где он продолжал бороться за организацию крестового похода против турок; свою великолепную библиотеку он завещал Венеции. Нередко пола-

гают, что ненависть к Западу возобладала над страхом перед турками, и приписывают мегадукке Луке Нотарасу следующую фразу: «Лучше увидеть на царстве в Константинополе турецкую чалму, чем латинскую тиару». Если эта сентенция и была когда-либо произнесена, то не стоит забывать, что Нотарас был также гражданином Венеции и Генуи, где он разместил большую часть своего состояния, что он был казнен вместе со своими сыновьями по приказу Мехмеда II и что Анна, его выжившая дочь, окончила свои дни в Венеции. В то же время после 1453 года многие греческие аристократы перешли на службу к турецкому султану, а некоторые еще и приняли ислам.

5. Падение Константинополя. — Временная передышка, обеспеченная битвой при Анкаре, длилась недолго. Оттоманское государство вновь обрело единство и вернуло себе территории, отданные в 1402 году. Фессалоники, обратившиеся за помощью к венецианцам, окончательно были взяты штурмом в 1430 году. От древней империи не осталось ничего, кроме Мореи, небольшой Трапезундской империи и Константинополя, который был отныне лишь анклавом на оттоманской территории. Его географическое положение на берегах Босфора обеспечивало активную деятельность порта и кормило от 50 000 до 70 000 жителей. Из-за недостатка финансирования Константинополь

потерял немало древних памятников, как, например, Большой Дворец, который лежал в руинах. Приход к власти в 1451 году молодого султана Мехмеда II не встревожил западные державы, так как его считали не слишком способным правителем, тем более, что стены Константинополя остановили еще его отца Мурада II. Между тем Мехмеду II было необходимо блестящее деяние: взятие Константинополя завершило бы объединение его земель и доставило бы ему несравненную столицу. Он решил перерезать Босфор, построив на побережье в одном из самых узких мест новую крепость Румели-Хиссар, которая была возведена из камней разрушенных византийских монастырей, расположенных в предместьях Константинополя. Затем он приготовился к осаде города, собрав большую армию, вооруженную пушками, самая огромная из которых была сделана венгерским инженером.

Константин XI Драгаш не бездействовал: он увеличил число посольств на Западе. Однако поражение последнего крестового похода при Варне в 1444 году ослабило венгров и истощило подкрепления, которые могли прийти с Запада. Итальянские республики Генуя и Венеция были не в состоянии прислать грекам достаточную помощь, но контингент генуэзских добровольцев, посланный Джустиниани Лонго, лучники, оплачиваемые папой, константинопольские венецианцы и каталонцы участвовали в последней обороне древнего города.

В апреле 1453 года Мехмед II начал осаду. С помощью отважного маневра он велел перетаскать корабли через холм Галаты, чтобы осадить Золотой Рог и вынудить защитников города оборонять стены со стороны моря. Несколько приступов были отбиты, несмотря на бреши в стенах, но 29 мая 1453 года янычары, наконец, преодолели стены Константинополя. Последний император пал в бою как неизвестный солдат, воюя рядом со своими согражданами. После недолгой, но ужасной резни и грабежей, которые Мехмед быстро пресек, чтобы защитить будущее своей столицы, султан торжественно вошел в Святую Софию, где накануне император причащался в последний раз во время последнего христианского богослужения. Овладев Мистрой в 1460 году, а на следующий год — Трапезундом, султан завершил завоевание последних греческих территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение своей *«Истории Византии»* Поль Лемерль обвинял Запад, и в первую очередь крестоносцев, в том, что они стали главной причиной гибели Восточной империи. Папа Иоанн Павел II разделил это мнение, выразив сожаление римской церкви, упрекающей себя в несчастях христианского Востока. Безусловно, Запад не стоит освобождать от ответственности, но причины окончательного падения Константинополя кажутся мне более сложными.

Прежде всего, нас должно охватить чувство восхищения. Просветители видели в истории Византии только «ряд восстаний, мятежей и измен» (Монтескье) или «триумф варварства и религии» (Гиббон). Но разве не должно казаться сияющим подвигом выживание империи в течение более чем тысячелетия перед лицом частую враждебных обстоятельств? Появлялись и другие империи, как, например, мусульманский халифат, который раскинулся от Геркулесовых Столбов до Центральной Азии. Но через два века существования он уже стоял на пути к распаду, хотя в его владения входили и богатые земли Египта, и процветающая Месопотамия.

потамия. Оттоманская империя, возникшая на месте византийской, существовала несколько дольше: без сомнения, потому, что частично унаследовала административные традиции своей предшественницы. Но через четыре столетия и она не смогла сопротивляться расцвету национальных государств. Западная Каролингская империя не просуществовала и века. Только Священная Римская Империя германской нации выдерживает сравнение, но ее структура была принципиально отлична.

Как не раз отмечалось, Византия проявила удивительную способность к адаптации, несмотря на официально провозглашенную незыблемость установлений Константина и его ближайших преемников. За века своего существования империя несколько раз меняла налоговую систему, способ формирования армии, тип передачи полномочий, ища максимально возможное равновесие между необходимой местной автономией и спасительной тенденцией к централизации.

Тогда почему же Византия все-таки погибла? Военные поражения не могут служить достаточным объяснением, тем более что ни одно из них, за исключением, пожалуй, поражения при Ярмук в 636 году, не было решающим. Основную причину следует искать в монархической системе, при которой благополучие империи в большой мере зависит от личности правителя. Конечно, энергичный узурпатор может сверг-

нуть плохого императора, но, если исследовать обстоятельства наиболее неудачных эпох в истории Византии, то окажется, что в эти периоды императорская власть была ослаблена междоусобной войной или регентством. Так, успехи персов в значительной мере объяснялись соперничеством Фоки и Ираклия, поражение при Манцикерте в 1071 году усугублялось борьбой претендентов на императорский трон. Четвертый крестовый поход был направлен против Константинополя под предлогом разрешения споров между Ангелами, и, наконец, в середине XIV века борьба между сторонниками Иоанна V и Иоанна VI лишила византийское государство последних надежд.

Тем не менее не следует снимать с Запада всякую ответственность. Византия всегда опиралась на своих бедствий, так как у нее не было главного противника в лице христианского Запада. Раскол церквей, давший себя знать уже в XI и XII веках, в итоге привел к полному непониманию, а со стороны Запада — еще и к насилию, которое объяснялось апогеем экономической и военной мощи. Палеологи не смогли разрешить противоречия между глубоким озлоблением греческого народа по отношению к латинским захватчикам и необходимостью примирения, которое одно могло помочь Византии в борьбе с турками. В свою очередь Запад, ослепленный частными интересами торговых городов, слишком поздно осознал, что Византия

была оплотом против турецкого наступления, как несколькими веками раньше — против арабской агрессии.

Наследство Византии огромно. Византийская цивилизация решающим образом участвовала в сохранении античного знания; она распространила свои институты и христианство по всему славянскому миру; арабы и турки испытывали ее влияние, и в течение тысячелетия она поддерживала христианство в Малой Азии.

**Список римских императоров
(в Константинополе, начиная с 395 года)**

Константин I	324—337
Констанций II	337—361
Юлиан Отступник	361—363
Иовиан	363—364
Валент	364—378
Феодосий I	379—395
Аркадий	395—408
Феодосий II	408—450
Маркиан	450—457
Лев I	457—474
Лев II	474
Зиноп	474—491
Анастасий I	491—518
Юстин I	518—527
Юстиниан I	527—565
Юстин II	565—578
Тиберий II	578—582
Маврикий	582—602
Фока	602—610
Ираклий	610—641
Константин III Ираклий	641
Ираклеон (Ираклий) Константин	641
Констант II (Константин) Ираклий	641—668
Константин IV	668—685
Юстиниан II	685—695
Леонтий	695—698
Тиберий III Аписмар	698—705
Юстиниан II (второе правление)	705—711
Филиппик Вардан	711—713
Анастасий II Артемий	713—715
Феодосий III	715—717

Лев III Исавр	717—741
Константин V Копроним	741—775
Лев IV Хазар	775—780
Константин VI Слепой	780—797
Ирина	797—802
Никифор I	802—811
Ставракий	811
Михаил I Рангаве	811—813
Лев V Армянин	813—820
Михаил II Амореянин	820—829
Феофил	829—842
Михаил III	842—867
Василий I Македонянин	867—886
Лев VI Мудрый	886—912
Александр	912—913
Константин VII Порфирородный	913—959
Роман I Лакапин, соправитель	920—944
Роман II Порфирородный	959—963
Василий II	963—1025
Никифор II Фока, соправитель	963—969
Иоанн I Цимисхий, соправитель	969—976
Константин VIII Порфирородный	1025—1028
Роман III Аргир	1028—1034
Михаил IV Пафлагон	1034—1041
Михаил V Калафат	1041—1042
Зоя Порфирородная	1042
Константин IX Мономах	1042—1055
Феодора Порфирородная	1055—1056
Михаил VI Стратиотик	1056—1057
Исаак I Комнин	1057—1059
Константин X Дука	1059—1067
Михаил VII Дука	1067—1078
Роман IV Диоген, соправитель	1068—1071
Никифор III Вотаниат	1078—1081

Алексей I Комнин	1081—1118
Иоанн II Комнин	1118—1143
Мануил I Комнин	1143—1180
Алексей II Комнин	1180—1183
Андроник I Комнин	1183—1185
Исаак II Ангел	1185—1195
Алексей III Ангел	1195—1203
Исаак II Ангел (второе правление)	1203—1204
Алексей IV Ангел, соправитель	1203—1204
Алексей V Мурзуфл	1204
Феодор I Ласкарис (в Никее)	1208—1221
Иоанн III Дука Ватац	1221—1254
Феодор Дука (в Фессалониках)	1224—1230
Феодор II Ласкарис	1254—1258
Иоанн IV Ласкарис	1258—1261
Михаил VIII Палеолог	1259—1282
Андроник II Палеолог	1282—1328
Андроник III Палеолог	1328—1341
Иоанн V Палеолог	1341—1376
Иоанн VI Кантакузин, соправитель	1347—1354
Андроник IV Палеолог	1376—1379
Иоанн V Палеолог (второе правление)	1379—1391
Иоанн VII Палеолог	1390
Мануил II Палеолог	1391—1425
Иоанн VIII Палеолог	1425—1448
Константин XI Палеолог	1449—1453

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафий Миринеийский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М., 1996.
- Дигесты Юстиниана / Пер. И. С. Перетерского. М., 1984.
- Евсевий Памфил, епископ Кесарийский. Церковная история [Пер. с греч.]. М.: Изд. Православ. Св.-Тихон. богосл. ин-та, 2001.
- Институции Юстиниана / Пер. Д. Расснера. СПб., 1888.
- Комнина Анна. Алексиада / Вступ. ст., пер. с греч., коммент. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1965.
- Михаил Пселл. Хронография / Пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1978.
- Никита Хониат. История, ч. 1—2. СПб., 1860—1862.
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Вступ. ст., пер. с греч., коммент. Я. Н. Любарского. Литературные памятники, СПб., Наука, 1992.
- Прокопий Кесарийский. Тайная история / Пер. А. А. Чекаловой. М., 1993.
- Феофан Исповедник. Летопись византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его Феофилакta / Пер. с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М.: Унив. тип., 1884.

- Кулаковский Ю. А. История Византии. 518—602 гг. С-Пб., 1996. Т. 2.
- Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана: Очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи. В 5 т. М.: Астрель, АСТ, 2005.

- Chronicon Paschale 284—628 AD*, transi, with notes and introd. M. Whitby and Mary Whitby, Liverpool, Liverpool University Press, 1989.
- Jean Skyttzès. *Empereurs de Constantinople*, trad. B. Flusin et notes J.-Cl. Cheynet, Paris, Lethielleux, 2003.

- Georges Pachymérés. *Relations historiques*, éd. et trad. A. Pailler, Paris, Les Belles Lettres — IFEB, 1984—2000.
- Doukas, *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks*, an annotated translation of *Historia Turco-Byzantina*, H. J. Magoulias, Detroit, Wayne State University Press, 1975.

- The Oxford Dictionary of Byzantium*, Oxford, Oxford University Press, 1991 (les entrées comportent une bibliographie).
- Histoire du christianisme*, sous la direction de J.-M. Mayeur, Ch. Piétri, A. Vauchez, M. Venard, t. III, IV, V, VI, VII, VIII, Paris, Desclée, 1990—2000 (Contributions pour Byzance et le Caucase, de P. Maraval, B. Flu-sin, N. Garsoian; B. Martin, G. Dagron, J.-P. Mahé, É. Patlagean, M.-H. Congourdeau et A. Ducellier).
- H. Ahrweiler, *Études sur les structures administratives et sociales de Byzance*, Londres, Variorum Reprints, 1971.
- M. Angold, *The Byzantine Empire, 1025—1204*, London—New York, Long-man, 1972.
- J. Beaucamp, *Le statut de la femme à Byzance*, I. *Le droit impérial*, II. *Les pratiques sociales*, Paris, De Boccard, 1990—1992.
- K. N. Cigaar, *Western Travelers to Constantinople. The West and Byzantium, 962—1204: Cultural and Political Relations*, Leiden — New York—Cologne, Brill, 1996.
- G. Dagron, *Empereur et prêtre. Étude sur le «césaropapisme» byzantin*, Paris, Gallimard, 1996.
- A. Ducellier et al., *Byzance et le monde orthodoxe*, Paris, Armand Colin, 1996.
- A. Guillou, *La civilisation byzantine*, Paris, Arthaud, 1990.
- J. Haldon, *Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565—1204*, Londres, University Collège London Press, 1999.
- Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture*, Cambridge, Cambridge University Press, 1990.
- R. Janin, *Constantinople Byzantine*, Institut français d'études byzantines, Paris, 1964.
- A. H. M. Jones, *The Later Roman Empire, 284—602: A Social, Economie and Administrative Survey*, Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1992.
- A. P. Kazhdan, S. Ronchey, *L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo*, Palermo, Sellerie, 1997.

- A. Laiou (ed-in-chief), *The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century*, Washington DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002.
- P. Lemerle, *Cinq études sur le XIe siècle byzantin*, Paris, CNRS, 1977.
- R. J. Lilie, *Byzantium and the Crusader States, 1096–1204*, Oxford, Clarendon Press, 1993.
- P. Magdalino, *The Empire of Manuel I Komnenos (1143–1180)*, Cambridge, Cambridge University Press, 1993.
- (éd.), *Byzantium in the Year 1000*, Leiden–Boston, 2003.
- C. Mango, *Byzantium. The Empire of New Rome*, Londres, Weidenfeld & Nicolson, 1980.
- C. Mango, *Le développement urbain de Constantinople*, Paris, De Boccard, 1990.
- C. Morrisson (dir.), *Le Monde byzantin*, I. *L'Empire romain d'Orient (330–641)*, Paris, PUF, 2004. (Les volumes II (641–1204) et III (1204–1453), paraîtront en 2005.)
- D. M. Nicol, *The Last Centuries of Byzantium, 1261–1453*, Cambridge, Cambridge University Press, 1993.
- N. Oikonomidès, *Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles*, introduction, texte, trad. et corn., Paris, CNRS, 1972.
- W. Treadgold, *A History of the Byzantine State and Society*, Stanford, Stanford University Press, 1997.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава I — РОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ 8

I. Империя и ее правитель, 9: 1. Единство империи, 9; 2. Священный статус императора, 10; 3. Узурпация и наследование, 12; 4. Администрация государя, 13; 5. Императорский двор, 13. — II. Константинополь и реорганизация восточной части империи, 15: 1. Централизация управления, 19; 2. Преобразования в армии, 20. — III. Церковь и империя, 22: 1. Становление церковных структур, 22; 2. Роль епископов, 25; 3. Положение монашества, 27; 4. Император и церковь, 28; 5. Формирование ортодоксии, 31.

Глава II — ОБРАЗОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОСУДАРСТВА (527–718) 37

I. Экономические и социальные изменения, 38: 1. Возвращение чумы и ее последствия, 38; 2. Деревня, 38; 3. Упадок городов, 40; 4. Упадок торговли, 42. — II. Преобразованная империя, 46: 1. Восстановление Римской империи? 46; 2. Невозможность единства христиан, 49. — III. Под натиском врагов, 51: 1. Италия, 52; 2. Балканы, 53; 3. Последняя «великая война античности», 56; 4. Арабо-мусульманское нашествие, 59. — IV. Ответ на мусульманский вызов, 64: 1. Брожение умов, 64; 2. Финансовые и военные реформы, 66.

**Глава III — ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ
(718–1057) 70**

I. От Исаврийской к Аморийской династии, 70: 1. Иконоборчество, 70; 2. Арабский фронт, 76; 3. Воссоздание Западной империи, 77; 4. Миссионерство и соперничество патриарха и римского папы, 79. — II. Первый век царствования Македонской династии, 80: 1. Устойчивость власти, 80; 2. Начало экономического подъема, 81; 3. Социальный кризис? 84; 4. Новая армия, 88; 5. Акритская война и первые успехи, 89. — III. Средневековый расцвет (959–1057), 92: 1. Триумф над исламом, 92; 2. Господство на Балканах, 95; 3. Крещение Руси, 98; 4. Могущество аристократии, 100; 5. Единение знати, 102.

**Глава IV — ВИЗАНТИЯ МЕЖДУ
КРЕСТОНОСЦАМИ
И ТУРКАМИ (1057–1453) 105**

I. Поддерживаемое равновесие (1057–1180), 105: 1. Династический кризис, 105; 2. Турецкое нашествие, 107; 3. Динамизм западного мира, 110; 4. Византия и крестовый поход, 114; 5. Мануил Комнин: последний расцвет, 116; 6. Процветание, 119; 7. Многонациональная столица, 122. — II. Отступление перед Европой (1180–1341), 123: 1. Четвертый крестовый поход и его последствия, 123; 2. Никейская империя, 126; 3. Отвоевание Константинополя и латинская угроза, 129; 4. Потеря Малой Азии, 132; 5. Образование

балканского государства, 134. — III. Византия в турецкой зависимости, 136: 1. Византия на повороте, 136; 2. Византия — вассал турок, 137; 3. Общество в кризисе, 139; 4. В поисках союзников, 141; 5. Падение Константинополя, 144.

Заключение 147
Список римских императоров 151
Библиография 154

Научно-популярное издание

Жан-Клод Шейнэ

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИИ

Перевод с французского *В.Б. Зусевой*
Зав. редакцией *А.Ю. Голосовская*
Редактор *Н.А. Синельникова*
Корректор *И.Н. Мокина*
Технический редактор *Г.А. Этманова*
Компьютерная верстка *Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 19а, оф. 214

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.